

18+

Юрий Драздов

**Инвентарь:
Твоя душа.
Архитектор
кармана**

Юрий Драздов

**Инвентарь: Твоя душа.
Архитектор кармана**

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Инвентарь: Твоя душа. Архитектор кармана / Ю. Драздов —
«Издательские решения»,

Проклятый овердрафт в сто слотов — не дар, а кредит. Чтобы выжить, Макс убивает, ампутирует части себя и договаривается с голодными голосами вещей. Он создаёт гильдию «Пустой карман», строит Совет из оживших артефактов и вступает в войну с кланом Костолома. Но цена порядка — не только кровь. Это сделки с собственной памятью, попытки суицида и превращение в Архитектора, который строит свою тюрьму из чужих смертей и собственных забытых лиц.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 21. Коллекционер	6
Глава 2: Склад характеров	20
Глава 3. ПРИЗЫВ ИЗ СУМКИ	36
ГЛАВА 4. ПЛАТА ЗА ПРИЗЫВ	50
Глава 5. Тюрьма вещей	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Инвентарь: Твоя душа. Архитектор кармана

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-2764-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 21. Коллекционер

1. Утро после ампутации

Сознание возвращалось не плавно — оно вползало в него, как ржавый нож в гниющую рану. Макс лежал на боку, свернувшись калачиком, и чувствовал, как каждый миллиметр его тела напоминает о том, что он жив. Это было не облегчение — это была констатация факта. Жив. Пока.

Он открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в стенах ветхой сторожки — той самой, где они переночевали после побега. Пол — утрамбованная земля, смешанная с соломой и птичьим помётом. Угли костра догорали в центре, шипели, выбрасывая последние искры. Вокруг спали беженцы. Одиннадцать человек. Меньше, чем неделю назад. Гораздо меньше, чем должно было быть.

Макс сел, опираясь на здоровую руку. Левая рука — левый мизинец — горел. Не физически. Он горел присутствием. Вернувшейся чувствительностью, которую он отвоевал у слотов ценой ампутации целой ячейки. Слот №72 был мёртв. Чёрен. Аннигилирован навсегда. А мизинец — жив. Он чувствовал холодный воздух, шершавую ткань толстовки, пульсацию собственной крови.

Он пошевелил пальцами. Десять. Десять пальцев. Пока.

Сетка в правом углу глаза пульсировала, как всегда. Сто слотов. Десять на десять. Четыре активных. Девяносто пять заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Бесконечный предел, который оказался не даром, а кредитом.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 40%

Автофаг: приостановлен на 35 часов

Урон здоровья: 70% (критическая зона)

Риск психотической перегрузки: 32%

Проклятый овердрафт: 95 единиц долга

Девяносто пять убийств. Девяносто пять ценных жертв. И он не убил ни одной. Он просто выживал. Прятался. Бежал. Кормил слоты псами и случайными Костоломами, которые были слишком слабы, чтобы считаться «ценными».

Так больше нельзя.

Макс поднял голову. Мира сидела у стены, прислонившись спиной к прогнившим доскам, и смотрела на него. Не спала. Она никогда не спала подолгу. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живица сделала своё дело. Рана затягивалась.

— Ты улыбаешься, — сказала она. Не спросила — констатировала.

Макс провёл рукой по лицу. Да. Уголки губ были приподняты. Мышцы щёк расслаблены. Он не улыбался со смерти Костолома с восемнадцатью слотами. Может быть, дольше.

— Я не улыбаюсь, — ответил он. — Я усмехаюсь. Над собой. Над своей верой в то, что я могу остаться человеком.

— Ты можешь, — Мира покачала головой. — Ты ампутировал слот. Ты убил часть системы внутри себя. Это нечеловечно. Это больше, чем человек.

— Или меньше, — сказал Макс, вставая.

Ноги дрожали, но он устоял. Броня на груди была холодной — не ледяной, как в дни голода, а именно холодной, как утренний воздух. Она не спала, но и не требовала. Просто ждала. Кинжал в слоте был тёплым — он дремал, переваривая вчерашнее мясо. Поющий меч молчал. Топор вздыхал во сне.

Макс подошёл к выходу, отодвинул рваную ткань, заменявшую дверь. Лес встретил его тишиной. Серой, плотной, давящей, как вода на глубине. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Лес дышал. Лес смотрел. Лес ждал.

— Вожак? — спросил он, не оборачиваясь.

— В двух милях к северу, — ответила Мира. — Не двигается. Или двигается, но очень медленно. Он знает, что мы никуда не денемся. Он ждёт, когда мы ослабеем.

— А мы ослабеваем?

— Ты потерял пятнадцать процентов здоровья, когда ампутировал слот. Твоя сытость падает. Дети едят раз в день. Денис забыл имя своей дочери вчера вечером. Да, мы ослабеваем.

Макс кивнул. Он знал. Он чувствовал.

Он вернулся в сторожку, сел на корточки у костра. Беженцы просыпались — дети шевелились, женщины шептали молитвы, Денис сидел у входа, сжимая в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным.

Макс достал из первого слота амулет — чёрный камень на кожаном шнурке. Тот был тёплым — почти горячим. Он пульсировал в такт сердцу, и этот ритм немного успокаивал.

— Амулет, — сказал он мысленно. — Сколько ценных жертв нужно, чтобы погасить кредит, если я буду приносить в жертву не просто игроков, а их вещи? Редкие вещи?

Амулет ответил не сразу. Сначала он просто пульсировал — быстро, неровно, как будто колебался. Потом в голове Макса раздался голос — тихий, спокойный, как у старика, который сидит на крыльце и смотрит на закат.

«Система не принимает вещи как оплату долга, — сказал амулет. — Она принимает только смерти. Но. Редкие вещи повышают твою „капитализацию“. Чем больше уникальных предметов в твоём инвентаре, тем ниже процент по кредиту. Система считает, что если ты можешь добывать редкое — ты можешь добывать и ценную кровь. Это доверие. Или аванс. Я не знаю».

— На сколько снижается процент?

«Каждая редкая вещь — минус 0.5% к скорости голодания слотов. И плюс 1% к риску психотической перегрузки. Ты платишь рассудком за сытость».

Макс убрал амулет. 0.5% — это почти ничего. Десять редких вещей — 5%. Сто — 50%. Но сто редких вещей — это сто голосов в голове. Сто требований. Сто сделок.

Он и так был на грани. Ещё сто — и он превратится в ходячий оркестр безумия, как Костоломы. Как вожак.

Но у него не было выбора. Либо он коллекционирует голоса, либо голоса коллекционируют его.

2. Первое решение Архитектора

Он созвал совет. Не беженцев — вещи.

Макс достал из слотов всё оружие, разложил на земле перед собой. Кинжал — тёплый, вибрирующий, нетерпеливый. Старый меч — тяжёлый, усталый, покрытый чёрными пятнами от вчерашней крови. Топор — молчаливый, грузный, с едва заметной пульсацией в глубине металла. Поющий меч — лёгкий, серебристый, переливающийся даже в сером свете. Броня лежала рядом — она не вылезала из слота, но он снял её, чтобы говорить на равных.

Мира смотрела на него со стороны. Денис — тоже. Дети проснулись и с любопытством разглядывали разложенное оружие. Женщины шептались. Никто не понимал, что он делает.

Макс сел на корточки, обвёл взглядом вещи.

— Я — Архитектор, — сказал он вслух. Не для Миры — для них. — Я строю порядок из хаоса. Вы — мои камни. Кирпичи. Стены. Без вас я — ничто. Но и без меня вы — голодные куски металла, которые будут лежать в земле и ждать, когда кто-то поднимет вас.

Кинжал зашевелился. Заговорил — мысленно, но Макс услышал его отчётливо, как будто тот кричал в пустой комнате.

«Я — первый! — сказал кинжал. — Я был с тобой с первого дня! Я резал твоих врагов! Я пил их кровь! Я требую место».

— Будешь первым, — ответил Макс. — Но не единственным. Я строю не пирамиду — я строю круг. У каждого будет место.

«Круг? — удивился старый меч. Его голос был низким, хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я не умею быть в кругу. Я умею рубить. Слева направо. Сверху вниз. Это всё».

— Ты будешь моей силой. Когда кинжал не пробьёт, когда Поющий меч не договорится — ты ударишь. Ты — последний довод.

«Хорошо, — сказал старый меч и замолчал.

Поющий меч запел — не словами, мелодией. Грустной, тягучей, как прощание. Он не спорил. Он принимал.

«Я буду петь, когда ты попросишь. И молчать, когда заплатишь. Сделка».

— Сделка, — подтвердил Макс.

Топор молчал. Макс подождал. Потом сказал:

— Ты — моя память. Ты помнишь прошлого хозяина. Ты помнишь его битвы, его смерть, его слоты. Ты будешь напоминать мне, когда я начну забывать. Согласен?

Тишина. А потом — слабая, почти незаметная вибрация. «Согласен», — сказала вибрация.

Броня зашевелилась. Её голос был высоким, капризным, как у ребёнка, которого не накормили завтраком.

«А я? Я буду защищать тебя. Но ты должен защищать других. Не только себя. Если ты забудешь — я замёрзну».

— Я не забуду, — сказал Макс. — Я буду защищать. Тех, кто слабее. Тех, кто верит в меня. Тех, кто идёт за мной.

Броня замолчала. Но её холод стал чуть меньше. На градус, не больше.

Мира смотрела на него, и в её глазах было что-то новое. Не страх, не уважение — понимание. Она поняла, что он делает. Он не просто разговаривает с вещами — он договаривается с ними. Как с равными. Как с членами отряда.

— Ты построил иерархию, — сказала она. — Теперь ты — не просто носитель слотов. Ты — Архитектор.

— Я — должник, — поправил Макс. — Архитектор, который должен построить дворец, чтобы расплатиться с кредитором. И если дворец рухнет — кредитор похоронит меня под обломками.

Он встал, собрал оружие, убрал в слоты. Броня снова легла на грудь — холодная, но не враждебная. Кинжал в слоте мурлыкал — он получил своё место. Поющий меч молчал — он ждал своего часа. Топор вздыхал. Старый меч дремал.

Макс повернулся к Мире.

— Мне нужно редкое оружие. Не для боя — для капитализации. Я должен снизить процент по кредиту, иначе слоты сожрут меня раньше, чем я выплачу долг.

— Редкое оружие не валяется на дороге, — ответила Мира. — Оно лежит в опасных местах. Охраняется монстрами. Или другими коллекционерами.

— Тогда я буду охотиться на коллекционеров, — сказал Макс. — Или на монстров. Или на тех, кто охраняет. Мне всё равно. Мне нужны вещи.

Он посмотрел на Дениса. Тот сжимал в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным.

— Ты знаешь, где можно найти редкое оружие? — спросил Макс.

Денис молчал долго. Потом кивнул.

— В двух милях к юго-западу, на краю Болота Шёпота, есть склеп. Заброшенный алхимический склеп. Говорят, там лежит кинжал, который может резать слоты. «Слеза Ворона». Я слышал о нём от других беженцев. Те, кто пытался его взять, не вернулись. Или вернулись, но без глаз. Или без слотов.

— «Слеза Ворона», — повторил Макс. — Кинжал, который режет слоты. Это то, что мне нужно.

— Это то, что тебя убьёт, — сказала Мира. — Ты в курсе, что Болото Шёпота называется так не потому, что там шепчут? Там шепчут не люди. Там шепчут голодные слоты мёртвых игроков. Ты войдёшь туда с сотней своих — и они сойдут с ума от хора.

— Тогда я сделаю так, чтобы мой хор перекричал их хор, — ответил Макс. — Или умру. Выбирай.

3. Дорога к склепу

Они вышли через час. Макс — впереди, с кинжалом в руке и со старым мечом на поясе. Мира — за ним, с ножом и тремя слотами, пульсирующими ровно. Денис остался с беженцами — не мог идти, слишком слаб.

Лес встретил их серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Но по мере того, как они приближались к Болоту Шёпота, деревья менялись. Они становились не просто прямыми — они становились правильными. Слишком правильными. Ветви расходились под идеальными углами — 45, 90, 135 градусов. Кора была гладкой, почти полированной, как будто кто-то отшлифовал её тысячи раз. На стволах — знаки. Не руны, не буквы — слот-номера. 001, 002, 003... Они тянулись вверх, до самых крон, теряясь в сером небе.

— Что это? — спросил Макс, останавливаясь у одного из деревьев.

— Память, — ответила Мира, не оборачиваясь. — Лес помнит тех, кто умер здесь. Их слоты стали частью деревьев. Их имена — цифрами на коре. Это кладбище, Макс. Кладбище коллекционеров, которые не смогли расплатиться с долгами.

Макс провёл пальцем по коре. Слот-номер 047 пульсировал — не красным, не серым, а тусклым, больным белым. Он был жив. Или не был. Или был, но уже не помнил, кем был.

— Сколько их? — спросил он.

— Тысячи, — Мира пожала плечами. — Может быть, десятки тысяч. Система не выбрасывает мусор — она перерабатывает его. Должники становятся деревьями. Деревья становятся лесом. Лес становится тюрьмой для новых должников. Замкнутый круг.

Макс отнял руку от ствола. Ему показалось — только показалось? — что слот-номер 047 вздохнул. Или застонал. Или просто выпустил воздух, который держал внутри годами.

Они пошли дальше.

Лес становился всё более «архитектурным». Коридоры из стволов, своды из ветвей, тупики, из которых приходилось возвращаться. Макс чувствовал, как его слоты — все сто — начинают вибрировать. Не требовательно — настороженно. Они чувствовали чужие голоса. Голоса мёртвых. Голоса должников.

Кинжал в руке стал горячее.

«Здесь опасно, — сказал он мысленно. — Здесь пахнет смертью. Не свежей — старой. Гнилой. Я боюсь, хозяин».

— Не бойся, — ответил Макс. — Я рядом.

«Это меня и пугает», — сказал кинжал и замолчал.

Они вышли к склепу через час.

Он не был похож на склеп. Это была просто дверь. Каменная, серая, без ручки, без замка, без петель. Она стояла посреди поляны, окружённая молодыми соснами, и ничем не отличалась от декорации. Но на двери, прямо в центре, был слот. Один. Серый, пульсирующий, требовательный.

Мира подошла, коснулась слота пальцем. Тот мигнул — и выдал сообщение.

Системное уведомление

Вход в Склеп Алхимика.

Требование: кровь активного игрока (не менее 10% здоровья).

Плата: 5% урона здоровья.

Время доступа: 24 часа.

Макс подошёл, вытащил кинжал, приставил к ладони. Кинжал вибрировал — нетерпеливо, жадно.

«Кровь, — сказал он. — Твоя кровь. Не врага. Своя. Ты готов?»

Макс полоснул по ладони. Кровь хлынула — яркая, алая, пахнувшая железом. Капля упала на слот, и тот вспыхнул — белым, ослепительным. Дверь вздрогнула, заскрежетала и медленно, тяжело, как больной, который встаёт с постели, открылась.

Изнутри пахло пылью, сухой травой и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только сильнее, концентрированное, как будто кто-то заварил из него чай и забыл выпить.

Макс шагнул внутрь. Мира за ним.

4. Склеп — живой музей голодных вещей

Внутри было темно. Не серо, не черно — именно темно, как в комнате, где выключили свет и заколотили окна. Макс подождал, пока глаза привыкнут, и начал различать детали.

Склеп был огромным. Не пещера — зал. С колоннами, с высоким потолком, с полом, выложенным каменными плитами. Вдоль стен — стеллажи. Деревянные, металлические, каменные. На них — оружие. Мечи, кинжалы, топоры, копья, луки. И всё это оружие было... живым.

Макс не знал, как это назвать. Мечи не просто висели — они двигались. Медленно, почти незаметно, но двигались. Клинки пульсировали, рукояти вибрировали, гарды звякали о стойки. Кинжалы шептали — не слова, звуки. Тонкие, высокие, как комариный писк. Топоры вздыхали — тяжело, грузно, как усталые старики.

И над всем этим — над залом, над стеллажами, над оружием — висела сетка. Не 10 на 10 — сотни на сотни. Тысячи слотов. Заблокированных. Активных. Мёртвых. Они пульсировали в разном ритме, на разной частоте, и этот хор, эта какофония давила на сознание, как вода на глубине.

— Это место — ловушка, — сказала Мира, оглядываясь. — Алхимик собрал здесь редкое оружие, но не смог его контролировать. Оружие взбунтовалось. Убило его. И теперь ждёт следующего.

— Или следующую, — ответил Макс, показывая на центр зала.

Там, на возвышении из костей (человеческих? звериных? он не знал), стоял пьедестал. Чёрный, пульсирующий, живой. А на пьедестале — кинжал.

«Слеза Ворона».

Он был не ржавым — он был идеально чёрным. Лезвие не отражало свет — оно впитывало его. Рукоять была обмотана чёрной кожей, и на ней, вместо гравировки, пульсировал слот. Один. Активный. Требовательный.

Макс сделал шаг вперёд — и замер.

Из-за стеллажа, слева, вышел человек.

5. Другой коллекционер

Он был высоким, жилистым, с лицом, изрезанным мелкими шрамами. Его слоты — двенадцать серых ячеек, выстроенных в два ряда — пульсировали ровно, спокойно, уверенно. В правой руке он держал меч. Красивый, с зелёным лезвием, которое светилось в темноте, как гнилушка. В левой — арбалет, взведённый, нацеленный Максу в грудь.

— Уходи, — сказал коллекционер. Голос его был низким, спокойным, почти скупающим. — «Слеза» моя. Я ждал три дня. Ты не имеешь права.

— Я имею право, потому что я здесь, — ответил Макс, сжимая кинжал. — И потому что у меня сто слотов. А у тебя — двенадцать.

— Сто заблокированных, — усмехнулся коллекционер. — И четыре активных. Ты — нищий. Я — богат. Уходи, пока я не убил тебя.

Мира шагнула вперёд, заслоняя Макса.

— Не надо, — сказала она. — Мы можем договориться. Склеп большой. Оружия хватит на двоих.

— На двоих не хватит, — коллекционер покачал головой. — «Слеза» — одна. Остальное — мусор. Съедобный, но мусор. Я пришёл за «Слезой». И я уйду с ней. Или не уйду. Но ты — уйдёшь. Или умрёшь.

Макс отодвинул Миру, шагнул вперёд.

— Ты говоришь, что у тебя двенадцать слотов. Я вижу. Но я не вижу, что в них. Покажи. Или я покажу тебе, что в моих.

Он открыл свои активные слоты — не словами, мысленно. Сетка 10 на 10 вспыхнула в воздухе, и коллекционер увидел. Кинжал, старый меч, топор, Поющий меч. И броню, которая светилась тусклым красным. И амулет, который пульсировал в такт сердцу.

— У тебя... у тебя Поющий меч, — прошептал коллекционер, и в его глазах мелькнул страх. — Тот самый? Который усыпляет врагов песней?

— Тот самый, — подтвердил Макс. — И он голоден. Если я прикажу ему спеть — ты уснёшь. А проснёшься без слотов. Или без глаз. Или без головы. Выбирай.

Коллекционер колебался секунду. Потом опустил арбалет. Меч с зелёным лезвием остался в руке.

— «Слеза» — моя, — повторил он, но голос его дрожал. — Я заплатил за неё. Кровью. Трёх игроков. Я убил их, чтобы получить право войти в склеп. Ты не имеешь права.

— Я имею право, потому что я сильнее, — сказал Макс. — И потому что я не убиваю без нужды. Уходи. Забирай свои трофеи. Но «Слеза» останется здесь. Сегодня. Может быть, завтра. Но не сегодня.

Коллекционер смотрел на него долго, тяжело. Потом кивнул — коротко, по-мужски — и ушёл. Растворился между стеллажами, и через несколько секунд его шаги затихли.

Мира выдохнула — она не заметила, как задерживала дыхание.

— Ты рисковал, — сказала она. — Если бы он не поверил...

— Он поверил, — ответил Макс. — Потому что он — коллекционер. Он знает цену вещам. И он знает, что Поющий меч стоит дороже, чем его жизнь.

Он повернулся к пьедесталу. «Слеза» ждала. Пульсировала. Требовала.

6. Испытание «Слезы Ворона»

Макс подошёл к пьедесталу. Кости под ногами хрустели, как сухие ветки. Он протянул руку, коснулся кинжала — и мир исчез.

Он стоял на поле боя.

Не том, где он убивал Костоломов — другом. Древнем, забытом, покрытом туманом и ржавчиной. Десятки тел лежали вперемешку — люди и не-люди, в доспехах и без, с оружием и без. Кровь залила землю, превратив её в чёрную жижу. Вороны кружили над головой — огромные, чёрные, с красными глазами.

И среди них, в центре поля, стоял человек. Невысокий, коренастый, в рваном плаще. В правой руке он держал «Слезу». Чёрный кинжал, который не отражал свет, а впитывал его.

Человек сражался. Не с врагами — со слотами. Они вылезали из земли, из воздуха, из трупов — сотни серых ячеек, пульсирующих, требовательных. Они тянулись к нему, пытались прикоснуться, впитаться, стать частью его. А он резал их. Кинжалом. Каждый удар — разрубленный слот, чёрная кровь, крик, который не услышать.

Но их было слишком много. Они лезли и лезли, и человек уставал. Дышал тяжело, хрипло. Рука дрожала. Глаза потускнели.

— Не бери, — прошептал он, глядя не на слоты — на Макса. — Не бери. Оно режет не слоты — оно режет связи. Ты потеряешь всех, кто дорог. Рано или поздно. Оно заставит тебя выбирать.

Видение исчезло. Макс стоял на коленях у пьедестала, сжимая в руке чёрный кинжал. Тот был тяжёлым — тяжелее, чем должен быть. И холодным. Ледяным.

Голос кинжала был низким, каркающим, как у ворона.

«Ты видел, — сказал он. — Ты знаешь цену. Я режу слоты. Я режу связи. Я делаю тебя свободным. Но свобода — это одиночество. Ты готов?»

Макс поднял голову. Мира стояла в двух метрах, бледная, с ножом в руке. Её три слота пульсировали тревожно. Она не слышала голоса, но чувствовала — что-то не так.

— Я готов, — сказал Макс, обращаясь не к Мире — к кинжалу. — Но не для себя. Для них. Для тех, кто верит в меня. Я буду резать слоты моих врагов. Не моих друзей. Сделка?

Кинжал молчал долго. Потом его холод стал чуть меньше — на градус, не больше.

«Сделка, — сказал он. — Но помни: каждая связь, которую ты режешь, оставляет шрам. И шрамы эти — не на теле. На душе».

Макс мысленно отправил кинжал в свой новый, пятый активный слот. Тот мигнул, принимая предмет — чёрный, пульсирующий, требовательный.

И в тот же миг его инвентарь вздрогнул.

Сетка 10 на 10 в правом углу глаза мигнула, погасла на секунду, потом загорелась снова. Пять активных слотов. Девяносто четыре заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Бесконечный предел, который не заполнялся.

Инвентарь: 5 активных / 94 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Риск психотической перегрузки: 32% → 38%

Новый голос: «Слеза Ворона» (уникальный, класс — «артефакт», статус — «адаптируется»)

— Что ты чувствуешь? — спросила Мира, подходя ближе.

— Шесть голосов, — ответил Макс. — Раньше было пять. Кинжал, броня, Поющий меч, старый меч, топор. Теперь — шесть. И все они говорят. Не хором — вразнобой. Как будто я сижу в комнате с шестью безумцами, и каждый пытается перекричать остальных.

— Ты можешь их заткнуть?

— Могу. Но если заткну — они обидятся. А обиженная вещь — это предательская вещь. Я должен слушать. И выбирать. Кого слушать сейчас, кого — потом. Это... это утомляет.

Он убрал кинжал в слот, повернулся к выходу. Склеп вздохнул — тяжело, грузно, как больной, который видит, как уходит его лекарство. Оружие на стеллажах зашевелилось, зазвез-

нело, заговорило — тысячи голосов, которые просили, требовали, умоляли: «Возьми меня. Возьми меня. Накорми меня».

Макс не взял ничего. Только «Слезу».

— Почему ты не взял другие вещи? — спросила Мира, когда они вышли из склепа. Дверь за ними закрылась с глухим стуком.

— Потому что я — коллекционер, — ответил Макс. — А коллекционер не собирает всё подряд. Он выбирает. Лучшее. Редчайшее. То, что не обесценится завтра.

— Или то, что не убьёт тебя сегодня, — добавила Мира.

— Или то, что не убьёт меня сегодня, — согласился Макс.

Они пошли обратно — в лагерь, к беженцам, к Денису, к детям, которые ждали еды и надежды.

7. Первая ночь с новым голосом

В лагере было темно. Костер прогорел почти полностью, только угли тлели в центре, выбрасывая редкие искры. Беженцы спали — убаюканные усталостью и отсутствием еды. Денис сидел у входа, сжимая в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным.

Макс сел у стены, прислонился спиной к холодному дереву, закрыл глаза. Усталость навалилась липкой волной, и он почувствовал, что если не отдохнёт сейчас, то упадёт прямо здесь. Но он не лёг. Он достал «Слезу» из слота, положил на колени.

Кинжал был тяжёлым. Холодным. Он не пульсировал, как другие вещи — он дышал. Медленно, глубоко, как спящий зверь.

— Ты спишь? — спросил Макс мысленно.

«Нет, — ответил кинжал. — Думаю».

— О чём?

«О тебе. О твоих других вещах. О том, сколько ты проживёшь с таким количеством голосов в голове».

— А сколько я проживу?

«Не знаю. Но я видел таких, как ты. Коллекционеров. Они собирали редкости, как монеты. А потом редкости собирали их. По частям. Сначала палец. Потом глаз. Потом душу».

— Ты хочешь меня напугать?

«Я хочу, чтобы ты знал. Знание — это защита. Незнание — смерть».

Макс убрал кинжал в слот. Тот принял его с неохотой, как будто не хотел уходить. Но ушёл. И замолчал.

Мира села рядом, прислонилась к его плечу. Её три слота пульсировали ровно — она не спала, она ждала.

— Ты изменился, — сказала она. — Раньше ты боялся убивать. Теперь ты охотишься за редким оружием. Ты — не тот Макс, который проснулся в лесу две недели назад.

— Тот Макс умер, — ответил он. — В овраге. Когда убил первого волка. Или в лесу. Когда не смог спасти Лёню. Или в пещере. Когда ампутировал слот. Я не знаю, когда точно. Но он умер. А я — тот, кто остался.

— Ты — Архитектор, — сказала Мира. — Ты строишь свой карман. Свою тюрьму. Свою силу.

— Я строю надежду, — поправил Макс. — Для тех, кто не может строить сам. Для детей. Для Дениса. Для тебя.

— Для меня не надо, — Мира покачала головой. — Я уже выбрала. Я — твой наблюдатель. Я смотрю и записываю. Чтобы после моей смерти кто-то узнал, как это было.

— Не говори о смерти, — сказал Макс. — Мы все умрём. Но не сегодня.

Он закрыл глаза. Сны не пришли — только голоса. Шесть голосов, которые шептали, требовали, просили. Кинжал — крови. Броня — защиты. Поющий меч — тишины. Старый меч — силы. Топор — памяти. И новый голос — «Слеза Ворона» — сделки.

Макс слушал. Не отвечал. Только слушал. Потому что если он начнёт отвечать, они никогда не замолчат. А если они не замолчат — он сойдёт с ума.

Или уже сошёл. Он не знал.

8. Утро новой ответственности

Макс проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Не Мира — Денис. Его лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но глаза оставались ясными. Он был слаб, голоден, почти без сил, но он держался.

— Там, — прошептал Денис, показывая на вход в сторожку. — В лесу. Кто-то есть. Не Костоломы — другой. С одним слотом. Он сидит у дерева и смотрит на нас. Не приближается. Не уходит. Просто смотрит.

Макс встал, взял кинжал, вышел наружу.

Серый свет. Серый лес. Серые стволы, пульсирующие корой, скрученной в жгуты. И человек.

Он сидел у корней старой сосны, прижавшись спиной к стволу, и смотрел на сторожку. Его слот — один, серый, пустой — пульсировал тревожно, почти красным. Он был оборван, грязен, бос. В руке он держал палку — не оружие, опору.

— Ты из беженцев? — спросил Макс, подходя ближе.

— Нет, — ответил человек. Голос его был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего. — Я из Костоломов. Был. Меня выгнали. Сказали, что я слишком слаб. Что я не могу убивать. Что мой слот — позор.

— Зачем ты пришёл?

— Я хочу... я хочу попроситься к тебе. В твой отряд. Я слышал, ты — аномалия. Что у тебя сто слотов. Что ты не убиваешь беззащитных. Что ты защищаешь детей. Возьми меня. Я буду работать. Я буду драться. Я буду... я буду есть мало. Только не дай мне умереть одному.

Макс смотрел на него долго, тяжело. Вспомнил Века. Тот тоже просил. Тот тоже не был обузой. Тот умер.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Я не помню, — человек покачал головой. — Слот съел моё имя. Первым делом. Зови меня... зови меня Тень. Потому что я — тень того, кем был.

— Тень, — повторил Макс. — Хорошее имя. Ненадолго. Пока ты не вспомнишь своё.

— Я не вспомню, — Тень покачал головой. — Слоты не отдают.

Макс протянул руку. Тень взял её — дрожащими, холодными пальцами. Встал. Его слот — единственный, серый, пустой — пульсировал чуть спокойнее. Он поверил. Или просто устал не верить.

— Идём, — сказал Макс. — У нас есть еда. Вода. Место у костра. И работа. Много работы.

Они вошли в сторожку. Дети проснулись, зашептались. Женщины прижали их к себе, но не отворачивались. Денис смотрел на Тень с подозрением, но промолчал. Мира уступила место у костра.

Макс сел у стены, прислонился спиной к холодному дереву, закрыл глаза. Голоса в голове — шесть — зашептали с новой силой. Он не слушал. Он считал.

Пять активных слотов. Десяносто четыре заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Один должник — Тень. Один коллекционер — он сам. И одна надежда — «Слеза Ворона», которая может резать слоты. Или связи. Или души.

— Завтра, — сказал он, не открывая глаз. — Завтра мы пойдём на охоту. Не на зверей — на редкое оружие. Я должен собрать коллекцию. Чтобы погасить кредит. Чтобы выжить.

— А если не соберёшь? — спросил Денис.

— Тогда умру, — Макс пожал плечами. — Или стану деревом. Или камнем. Или пустотой. Неважно.

Он открыл глаза, посмотрел на Тень. Тот сидел у костра, грел руки, и его слот — единственный, серый, пустой — пульсировал ровно, спокойно. Впервые за долгое время.

— Ты — мой свидетель, — сказал Макс. — Ты видел, как я убивал. Ты видел, как я отказывался убивать. Ты расскажешь другим, если я умру. Что я был не монстром. Что я пытался.

— Ты не умрёшь, — сказала Мира. — Ты — Архитектор. Архитекторы не умирают — они достраивают свои здания до конца. Даже если здание — тюрьма.

Макс усмехнулся — криво, грустно, но без злобы.

— Тогда я построю самую красивую тюрьму, — сказал он. — Чтобы даже стены шептали надежду.

Он закрыл глаза. Сны не пришли — только голоса. Шесть голосов. И сотни — за стеной, в лесу, в склепе, в слотах мёртвых коллекционеров. Они ждали. Они всегда ждали.

Макс спал. И в правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, пять активных, девяносто четыре заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт. И коллекция, которая только начиналась.

Конец главы.

Глава 2: Склад характеров

Доспехи делятся на «жертвенных» (любят самопожертвование) и «хищных» (требуют чужую боль)

— —

1. Утро диссонанса

Макс проснулся от того, что его собственное тело перестало быть тихим.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к холодной стене сторожки, и чувствовал, как внутри него, в пяти активных слотах, пульсируют пять разных сердец. Не его — чужих. Кинжал требовал крови — ровно, настойчиво, как метроном. Старый меч ворчал о силе — низко, тяжело, как отдалённый гром. Поющий меч молчал — он всегда молчал по утрам, экономя голос для сделок. Топор вздыхал — длинно, грустно, как старик, которому снова приснилась война.

И броня. Его старая броня — жертвенный нагрудник, который он носил с первых дней — была прохладной. Не холодной, как в дни голода, а именно прохладной — градусов на двадцать, не больше. Она не спала, но и не требовала. Она ждала. И её ожидание было тяжелее любого требования.

Макс открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в стенах — рваные дыры между прогнившими досками, затянутые старой тканью, которую Мира натянула вместо двери. Костер в центре догорал, угли шипели, выбрасывая последние искры. Вокруг спали беженцы. Одиннадцать человек — взрослые и дети — свернулись калачиками, прижавшись друг к другу, как щенки в холодной коробке. Их дыхание было ровным, но не спокойным — прерывистым, с присвистом, как у людей, которые видят тяжёлые сны.

Тень — бывший Костолом, которого он взял в отряд вчера — сидел у входа, прислонившись спиной к косяку. Его слот — один, серый, пустой — пульсировал тревожно, почти красным. Он не спал. Он смотрел на Макса. В его глазах было что-то новое — не страх, не надежда, а что-то среднее. Настороженное уважение.

Мира сидела у противоположной стены, прислонившись спиной к дереву. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живица, которую она выпила вчера, сделала своё дело. Рана затягивалась.

Макс сел, опираясь на здоровую руку. Левая рука — левый мизинец — горел. Не физически. Он горел присутствием. Вернувшейся чувствительностью, которую он отвоевал у слотов ценой ампутации целой ячейки. Слот №72 был мёртв. Чёрен. Аннигилирован навсегда. А мизинец — жив. Он чувствовал холодный воздух, шершавую ткань толстовки, пульсацию собственной крови.

Он пошевелил пальцами. Десять. Десять пальцев. Пока.

— Ты ворочался всю ночь, — сказала Мира, не открывая глаз. — Бормотал что-то про доспехи. Про жертвенных и хищных. С кем ты спорил?

Макс провёл рукой по нагруднику. Кожа и металл были прохладными — ни холодными, ни тёплыми. Старая броня не отвечала на прикосновение.

— Она обиделась, — ответил он. — Вчера, в склепе, я взял «Слезу Ворона». Пятый активный слот. Я не спросил у неё разрешения.

— Ты не должен спрашивать разрешения у вещей, — Мира открыла глаза, посмотрела на него. В её взгляде не было осуждения — только констатация. — Ты — хозяин. Они — инструменты.

— Они — личности, — поправил Макс. — И они голодны. Каждый по-своему. Кинжал хочет крови. Старый меч — силы. Поющий меч — тишины. Топор — памяти. «Слеза» — сделок. А броня... броня хочет защиты. Не моей защиты — чужой. Она — жертвенная. Она греется, когда я рискую ради других. А вчера я не рисковал. Я просто взял новую вещь и положил в слот.

Он вспомнил, как броня замерзла после того, как он отказался защищать Дениса. Как она стала холодной после того, как он ампутировал слот. Как она прошептала — не словами, ощущением: «Ты забыл, кто ты».

— Сегодня мы идём на склад доспехов, — сказала Мира, вставая и потягиваясь. Её три слота мигнули — она разгоняла кровь. — Я нашла его вчера, пока ты спал. Овраг в двух милях к юго-западу. Там лежат брони, которые не забрали после бойни коллекционеров. Десятки. Может быть, сотни. Некоторые из них... говорят.

Макс поднял голову. В её голосе было что-то новое — не предупреждение, не страх, а что-то среднее. Любопытство? Или надежда?

— Говорят? Как мои?

— Громче, — Мира покачала головой. — Они не в слотах. Они лежат на земле, на открытом воздухе, годами. Они голодны. Они кричат. И они выбирают хозяев. Не наоборот.

— —

2. Дорога к оврагу

Они вышли через час. Макс — впереди, с кинжалом в руке и со старым мечом на поясе. Мира — за ним, с ножом и тремя слотами, пульсирующими ровно. Тень замыкал — шёл медленно, опираясь на палку, и его единственный слот пульсировал тревожно, почти красным.

Лес встретил их серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Лес дышал. Лес смотрел. Лес ждал.

— Расскажи мне о доспехах, — сказал Макс, не оборачиваясь. — О характерах. Как ты их называла? Жертвенные и хищные?

Мира шла молча несколько секунд, потом начала говорить — тихо, ровно, как учитель на уроке.

— Доспехи — это не просто защита. Это философия. Жертвенные брони любят, когда их владелец рискует собой ради других. Они греются от самопожертвования. Становятся крепче, легче, теплее. Но цена — здоровье хозяина. Каждый удар, принятый ради другого, оставляет шрам. Не на броне — на теле. Навсегда.

— А хищные?

— Хищные требуют чужой боли. Они не защищают — они наказывают. Каждый раз, когда ты причиняешь боль беззащитному, когда ты убиваешь не в бою, а ради удовольствия или сытости — они становятся крепче. Но они меняют тебя. Ты перестаёшь замечать, когда переступаешь черту. Потому что черта движется вместе с тобой.

Макс кивнул. Он вспомнил вожака — его сорок семь слотов, его чёрную броню, которая пульсировала красным, как сердце кита. Хищная. Точно хищная.

— А есть нейтральные?

— Есть, — Мира помолчала. — Редкость. Они не требуют ничего. Но и не дают ничего без сделки. Как твой Поющий меч. Ты платишь тишиной — получаешь песню. Ни жертвенности, ни жестокости. Только холодный расчёт.

Тень, шедший сзади, вдруг заговорил. Голос его был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего.

— Вожак... у него была хищная броня. Чёрная, с красными прожилками. Она шептала ему каждую ночь: «Убей. Убей. Убей». И он убивал. Пока не перестал слышать ничего, кроме её голоса. Потом он вырвал себе уши. Но голос был внутри.

— Почему ты рассказываешь это? — спросил Макс, не оборачиваясь.

— Потому что ты — не он, — ответил Тень. — Ты носишь жертвенную броню. Ты защищаешь детей. Ты не убиваешь беззащитных. Я хочу, чтобы ты оставался таким. Даже если это будет стоить мне жизни.

Макс промолчал. Он не знал, что ответить. Обещания были дешёвкой в этом мире.

Лес вокруг становился всё более неправильным. Деревья наклонялись, переплетались ветвями, образуя живые своды, под которыми царил полумрак. Кора становилась гладкой, почти полированной, как будто кто-то отшлифовал её тысячи раз. Воздух стал плотным, тяжёлым, как перед грозой. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только слабее, разбавленным, как старый чай.

— Мы на месте, — сказала Мира, останавливаясь на краю оврага.

— —

3. Овраг — кладбище доспехов

Овраг был огромным. Не тем, где Макс убил первого волка — другим. В десять раз шире, в двадцать — глубже. Стены уходили вниз на десятки метров, осыпаясь глиной и камнями, поросшие мхом и папоротником. Дно терялось в темноте — серый свет сюда почти не проникал.

И на дне, на склонах, на уступах — везде — лежали доспехи.

Макс никогда не видел столько брони за один раз. Нагрудники, кирасы, латы, кольчуги, поножи, наручи, шлемы. Кожаные, металлические, деревянные, какие-то странные, из материала, которого он не знал. Десятки. Сотни. Они лежали грудами, штабелями, кучами — как мусор на свалке. Но они не были мёртвыми.

Они шептали.

Не голосами — звуками. Шорох металла о металл, скрип кожи, тихий, едва слышный звон. Тысячи звуков, сливающихся в один многоголосый хор. Макс замер на краю оврага, зажал уши руками, но звуки были внутри. Они проникали через кожу, через кости, через слоты.

— Они голодны, — сказала Мира, стоя рядом. — Они лежат здесь годами. Ждут хозяев. Или смерти. Или того, кто скормит их другим.

Кинжал в слоте зашевелился, заговорил — мысленно, но Макс услышал его отчётливо, как будто тот кричал в пустой комнате.

«Доспехи — это не оружие. Они хуже. Оружие хотя честно — дай кровь, получи удар. Броня требует души. Жертвенную или чужую. Выбирай, хозяин. Но не бери всех. Они перессорятся. И ты сойдёшь с ума».

— Я не собираюсь брать всех, — ответил Макс мысленно. — Я пришёл посмотреть. Понимать. Классифицировать.

«Классифицировать, — усмехнулся кинжал. — Ты — не учёный. Ты — коллекционер. И ты возьмёшь ровно столько, сколько сможешь прокормить. А прокормить ты сможешь немного».

Макс начал спуск, цепляясь за корни и камни. Ноги скользили по мокрой глине, кроссовки — последнее, что осталось от его прошлой жизни — промокли насквозь. Мира спускалась следом, бесшумно, как тень. Тень остался наверху — прикрывать спину.

На дне запах был сильнее. Железо, гниль, сладость — и что-то ещё, что-то новое. Пахло страхом. Старым, вьёвшимся, как копать на стенах. Доспехи не просто лежали — они боялись. Или боялись не доспехи — те, кто их носил. Те, кто умер в них. Чьи слоты погасли, а тела стали частью леса.

Макс подошёл к первому нагруднику. Тот лежал на плоском камне, прислонённый к стене оврага, как будто его специально поставили. Кожаный, с металлическими пластинами, старый, потёртый, с глубокими царапинами на груди — там, где сердце. Он не блестел — он тускнел. Но он пульсировал. Слабо, едва заметно, как пульс умирающего.

Макс протянул руку, коснулся кожи. Та была холодной. Ледяной. И вдруг — голос. Не мысленный — физический, исходящий из брони, из воздуха вокруг неё. Голос был тихим, слабым, прерывистым, как дыхание человека, который вот-вот умрёт.

«Прикрой слабого, — прошептал нагрудник. — Даже если умрёшь. Даже если это будет последний твой шаг. Тогда я стану твоей второй кожей. Я согрею тебя. Я выдержу любой удар. Но ты должен хотеть защищать. Не просто выжить — защищать».

Макс отдернул руку. Нагрудник замолчал, но его пульсация стала чуть быстрее. Он ждал ответа.

— Жертвенный, — сказала Мира, стоя рядом. — Классический. Такие любят, когда их хозяин рискует собой ради других. Они питаются самопожертвованием. Чем больше ты отдаёшь — тем крепче они становятся. Но цена — твоё здоровье. Каждый акт защиты оставляет шрам. Не на броне — на теле.

Макс посмотрел на свои руки. На шрамы от арбалетных болтов, от укусов псов, от когтей гнилых тварей. Они заживали медленно, оставляя рубцы. И каждый рубец был напоминанием о том, кого он защищал.

— Я не хочу больше шрамов, — сказал он.

— Тогда не бери жертвенную броню, — ответила Мира. — Иди дальше. Там, в глубине оврага, лежат другие. Хищные.

— —

4. Хищные латы

Они пошли дальше. Доспехи сменяли друг друга — груды нагрудников, кирас, кольчуг. Некоторые были красивыми — с золотыми насечками, с рунами, с гравировкой. Другие — уродливыми, ржавыми, почти развалившимися. Но все они шептали. Просили. Требовали.

В глубине оврага, в маленькой нише, вырубленной в скале, лежали латы.

Они были чёрными. Не серыми, не тёмно-коричневыми — именно чёрными, как уголь, как нора, как пустота. Металл не блестел — он впитывал свет. Красные прожилки пульсировали на поверхности — медленно, глубоко, как артерии. Латы дышали. И их дыхание было горячим.

Макс подошёл ближе. Воздух стал плотнее, тяжелее. Пахло кровью — свежей, хотя крови не было. Пахло страхом — чужим, не его. Латы питались чужими эмоциями. Или требовали их.

— Хищные, — сказала Мира, не скрывая отвращения. — Самые опасные. Они не защищают — они наказывают. Каждый раз, когда ты причиняешь боль незащитному, когда ты убиваешь не в бою, а ради сытости — они становятся крепче. Они могут выдержать удар, который разнёс бы жертвенную броню в щепки. Но цена — твоя душа.

Макс протянул руку, коснулся лат. Те были горячими — почти обжигающими. И голос — не шёпот, не просьба, а приказ. Низкий, рычащий, как у зверя, который не привык, чтобы ему отказывали.

«Ударь незащитного. Причини боль тому, кто слабее. Не убивай — просто сделай больно. Один удар. Один крик. И я стану твоим щитом. Я выдержу любой удар — от любого врага. Но ты должен платить. Регулярно. Кровью слабых».

Макс отдернул руку, сделал шаг назад. Латы зашипели — недовольно, обиженно. Красные прожилки вспыхнули ярче, потом потускнели.

— Если я надену их, — сказал он, — они сделают меня монстром.

— Если ты надену их, — поправила Мира, — они ускорят процесс. Ты уже монстр, Макс. Ты убил человека вчера. Ты ампутировал слот. Ты носишь в себе пять голосов и собираешься носить шесть. Разница только в том, как быстро ты упадёшь. Хищная броня ускорит падение. Жертвенная — замедлит, но сделает падение болезненнее.

Макс смотрел на чёрные латы. Они пульсировали в такт его сердцу — или его сердце билось в такт им. Он не различал.

— А есть третье? — спросил он. — Не жертвенное, не хищное?

— Есть, — Мира кивнула в сторону дальней стены оврага. — Там. Редкость. Но оно не для тебя. Оно для того, кто готов умереть.

— —

5. Нейтральная броня — артефакт-аскет

Они подошли к стене. Там, в маленькой нише, закрытой ржавой решёткой, лежала броня.

Она не походила на другие. Не нагрудник, не латы — что-то среднее. Чешуйчатая, из мелких пластин, покрытых патиной. Без блеска, без пульсации, без запаха. Она просто лежала — и ждала.

Макс приложил ухо к решётке. Тишина. Ни голосов, ни шорохов, ни дыхания.

— Она не говорит, — сказал он.

— Она говорит, — поправила Мира. — Но не с каждым. Она — аскет. Артефакт, который не требует ничего. И не даёт ничего без сделки. Если ты наденешь её — она будет просто висеть на тебе. Холодная, тяжёлая, бесполезная. Но если ты заключишь с ней сделку — она может стать чем угодно. Жертвенной. Хищной. Нейтральной. Выбор за тобой.

— Как Поющий меч, — сказал Макс. — Тишина в обмен на песню.

— Хуже, — Мира покачала головой. — Поющий меч просит тишины — часа жизни. А эта броня просит... не знаю. Никто не знает. Те, кто заключал с ней сделку, не возвращались. Или возвращались, но уже не людьми.

Макс протянул руку, просунул её между прутьев решётки, коснулся чешуйчатой пластины. Та была холодной — но не ледяной, а именно холодной, как мёртвый металл. И вдруг — голос. Не шёпот, не приказ, а ровный, спокойный, как у человека, который видел всё и устал удивляться.

«Я не требую. Я не прошу. Я предлагаю. Надень меня, когда будешь готов умереть. Или когда кто-то другой будет умирать за тебя. Я не спасу тебя — я дам тебе выбор. Один. В последний момент. Используй его с умом».

Макс отдернул руку. Решётка зазвенела, и голос замолк.

— Она будет ждать, — сказала Мира. — Годы. Десятилетия. Она не голодна — она терпелива. Она — не броня. Она — обещание.

Макс отвернулся от ниши. Он знал, что вернётся сюда. Когда будет готов умирать. Или когда кто-то другой будет умирать за него.

— —

6. Конфликт внутри инвентаря

Они вернулись на дно оврага, к куче доспехов. Макс решил взять два комплекта — жертвенный нагрудник (тот, который прошептал «прикрой слабого») и хищные латы. Не для того, чтобы носить одновременно — для того, чтобы выбирать. Жертвенный — для защиты беженцев. Хищные — для боя с Костолами.

Он открыл первый слот — мусорный, где лежали пустая фляга и амулет — и мысленно отправил туда жертвенный нагрудник. Тот исчез с камня, появился в сетке 10 на 10, замер в ячейке. Иконка была серой, тусклой, но пульсирующей. Нагрудник адаптировался.

Второй слот — оружейный, где лежали кинжал, старый меч, топор и Поющий меч — был переполнен. Макс открыл пятый активный слот — тот, который появился после ампутации №72 — и отправил туда хищные латы.

И в тот же миг его инвентарь взорвался криками.

Кинжал заговорил первым — громко, требовательно, как будто бил в колокол.

«Ты с ума сошёл?! Хищные латы в одном отряде с жертвенной бронёй?! Они перессорятся! Они будут драться за еду! Они разнесут твои слоты изнутри!»

Старый меч заворчал — низко, тяжело, как отдалённый гром.

«Жертвенная броня требует защиты. Хищная требует боли. Они не совместимы. Ты должен выбрать что-то одно. Или они выберут за тебя».

Поющий меч запел — громко, красиво, печально, как прощание. Он не спорил — он предупреждал.

«Гармония нарушится. Голоса станут громче. Риск психотической перегрузки вырастет. Ты готов к этому?»

Топор молчал. Но Макс чувствовал его тяжесть — он был не согласен. Или просто устал спорить.

А броня — его старая броня, жертвенная, которая висела на нём — стала холодной. Ледяной. Она заговорила — не мысленно, физически, вибрацией, которую Макс чувствовал кожей.

«Ты принёс хищницу. Она будет есть чужую боль. А я ем твоё самопожертвование. Мы — враги. Мы не можем жить в одном теле. Выбирай. Или я, или она. Или мы будем драться. А ты умрёшь от внутреннего кровотечения».

Макс зажал уши руками, но голоса были внутри. Он открыл рот, чтобы закричать, но не закричал. Он стоял посреди оврага, сжимая в руке кинжал (тот выпал из слота сам — он тоже спорил), и чувствовал, как его собственные слоты превращаются в поле битвы.

Мира стояла в двух метрах, бледная, с ножом наготове. Она не слышала голосов, но видела его лицо — искажённое, бледное, с расширенными зрачками.

— Макс! — крикнула она. — Ты должен остановить их! Ты — хозяин! Прикажи!

Он закрыл глаза. Сосредоточился на дыхании — вдох, выдох, вдох, выдох. Потом мысленно «крикнул» в слоты, на всю силу своей воли:

«Замолчите! Все! Я — хозяин. Я — архитектор. Я строю порядок из хаоса. Вы — мои камни. И вы будете лежать там, где я скажу. Если вы будете драться — я выброшу вас всех. И найду другие вещи. Тупее, голоднее, злее. Но они будут слушаться. Поняли?»

Тишина. Не сразу — через секунду, две, три. Кинжал замолчал, обиженно вибрируя. Старый меч затих. Поющий меч прервал песню. Топор вздохнул. И броня — старая броня — стала чуть теплее. На градус, не больше.

Хищные латы в пятом слоте зашипели — недовольно, но тихо.

«Ты сильный, — прошептали они. — Но сильные тоже умирают. Помни об этом».

Макс открыл глаза. По его лицу текла кровь из носа — напряжение разорвало капилляры. Он вытер её рукавом, посмотрел на Мира.

— Я в порядке, — сказал он. — Они затихли. На время.

— На какое время? — спросила она.

— Не знаю. Может быть, на час. Может быть, на день. Пока я не дам им новую еду. Или новую причину для спора.

— —

7. Испытание: примерка жертвенной брони

Макс решил проверить жертвенный нагрудник — не в теории, на практике. Он достал его из первого слота, снял старую броню (та обиженно звякнула, но не сопротивлялась), надел новую.

Новая броня была холодной. Не ледяной, как умирающая, а именно холодной, как вода в горном ручье. Она не прилегала к телу — она висела, как чужой. Но когда Макс подошёл к Мире и встал между ней и осыпавшимся камнем (пустяковая угроза, но искренняя защита), броня вдруг стала тёплой.

Не горячей — тёплой. Как грелка, которую кладут на больное место. Она прилегла к телу, стала легче, удобнее. И голос — тихий, слабый, как у больного, который наконец-то получил лекарство — прошептал:

«Спасибо. Ты защитил. Ты рисковал. Я запомню. Я согреюсь. Но помни: каждый такой шаг оставляет шрам. Не на броне — на тебе».

Макс посмотрел на своё левое предплечье — там, где броня соприкасалась с кожей. Появилась тонкая красная полоска — не царапина, не порез, а что-то другое. Отметина. Плата за защиту.

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда он моргнул:

«Жертвенная броня (нагрудник, класс — „артефакт“, статус — „адаптируется“). Эффект: +15% к защите при акте самопожертвования. Побочный эффект: 1% урона здоровью за каждую минуту защиты (кумулятивно, снимается только отдыхом). Текущий урон: 55% → 56%».

— Один процент, — прочитал Макс вслух. — За минуту. Если я буду защищать кого-то час — потеряю шестьдесят процентов здоровья. И умру.

— Жертвенная броня не для долгой защиты, — сказала Мира. — Она для одного удара. Одного мгновения. Когда ты закрываешь собой другого, она выдерживает любой удар. Но потом — отдых. Долгий. Или смерть.

Макс снял нагрудник, положил обратно в слот. Тот обиженно пульсировал — он хотел ещё. Но Макс не дал.

— —

8. Испытание: примерка хищной брони

Он надел чёрные латы.

Те были горячими — почти обжигающими. Они прирастали к телу не как защита — как наказание. Кожа под ними горела, мышцы сводило судорогой. Голос — низкий, рычащий, как у зверя — заговорил сразу, без приветствий.

«Ударь. Кого-нибудь. Не убивай — просто сделай больно. Миру. Тень. Себя. Неважно. Я хочу боль. Дай мне боль, и я защищу тебя от любого врага».

Макс посмотрел на Миру. Та стояла, сжимая нож, и смотрела на него с ужасом. Не перед ним — перед тем, кем он мог стать.

— Не надо, — сказала она. — Не поддавайся.

Макс сжал кулак. Он мог ударить стену оврага — разбить костяшки в кровь. Это была бы боль. Не чужая — своя. Но латы требовали чужой боли. Он чувствовал это.

«Чужая, — прошептали латы. — Своя не считается. Своя — это дешёвка. Я хочу крик. Я хочу слёзы. Я хочу, чтобы кто-то страдал из-за тебя. Тогда я стану твоим щитом».

Макс разжал кулак. Сделал шаг назад. Латы зашипели — недовольно, обиженно. Они стали тяжелее — намного тяжелее, чем минуту назад. Давили на плечи, на рёбра, на позвоночник. Он едва мог дышать.

— Нет, — сказал он вслух. — Я не буду причинять боль беззащитным. Я не Костолом.

Латы замерли. Потом стали холодными — не ледяными, а именно холодными, как утренний воздух. Они не умерли — они затаились. Ждут. Когда он ослабнет. Когда он изменится. Или когда умрёт.

Макс снял латы, положил в слот. Те приняли его с неохотой, но приняли.

Системное сообщение:

«Хищные латы (класс — „артефакт“, статус — „ожидание“). Эффект: +30% к защите при акте причинения чужой боли. Текущий статус: неактивны (отказ хозяина). Штраф: +10% к весу предмета до следующей активации».

— Ты отказался, — сказала Мира. — Это правильно. Но они запомнят. Хищная броня не прощает слабости. Она будет ждать, когда ты изменишься. Или когда умрёшь.

— Я не изменюсь, — ответил Макс. — Я не стану тем, кто бьёт беззащитных.

— Ты уже бьёшь, — Мира покачала головой. — Ты убиваешь. Ты ампутировал слоты. Ты носишь в себе голоса мёртвых. Разница только в том, кому ты причиняешь боль — врагам или друзьям.

Макс не ответил. Он знал — она права. Но он не мог сдаться. Не сейчас.

— —

9. Выбор Архитектора

Он стоял посреди оврага, сжимая в руке кинжал, и смотрел на груды доспехов. Сотни. Тысячи. Они шептали, просили, требовали. Каждый хотел быть его — его защитой, его бронёй, его голосом.

Но он не мог взять всех. Он мог взять только тех, кого сможет прокормить.

— Я беру жертвенный нагрудник, — сказал он вслух. — И хищные латы. Но не для того, чтобы носить их одновременно. Я буду выбирать. Для защиты беженцев — жертвенную. Для боя с Костоломами — хищную. Если я буду смешивать — они перессорятся. И я умру от внутреннего кровотечения.

— А нейтральную? — спросила Мира, кивнув в сторону ниши с решёткой.

— Нейтральная подождёт, — ответил Макс. — Когда я буду готов умирать — я вернусь за ней. Или когда кто-то другой будет умирать за меня.

Он достал из слота старую броню — жертвенный нагрудник, который носил с первых дней — и посмотрел на неё. Та была холодной. Не ледяной, но и не тёплой. Она обиделась.

— Ты не главная, — сказал он ей. — Но ты — первая. Ты была со мной, когда я убил первого волка. Когда я защищал Миру от псов. Когда я ампутировал слот. Ты — моя память. Я не выброшу тебя. Я буду носить тебя. Но не каждый день. Ты должна делить место с другими.

Броня замерла. Потом стала чуть теплее — на градус, не больше.

«Хорошо, — прошептала она. — Но не забывай меня. Я — твоя жертвенность. Без неё ты станешь хищником».

Макс убрал старую броню в первый слот, рядом с амулетом и пустой флягой. Потом положил туда же жертвенный нагрудник — новый. Две брони в одном слоте. Система не возражала — они были одного типа, одного класса. Почти.

Хищные латы он оставил в пятом слоте — отдельно, подальше от остальных.

— Ты построил иерархию, — сказала Мира, глядя на него. — Теперь ты — не просто носитель слотов. Ты — Архитектор, который выбирает, какой стене быть несущей, а какой — декоративной.

— Я — должник, — поправил Макс. — Архитектор, который строит дворец, чтобы расплатиться с кредитором. И если дворец рухнет — кредитор похоронит меня под обломками.

Он посмотрел на свои слоты. Пять активных. Девяносто четыре заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Бесконечный предел, который не заполнялся.

Сытость упала до 35% (две примерки брони + внутренний конфликт). Урон здоровья вырос до 58%. Риск психотической перегрузки подскочил до 40%.

— Я чувствую, как голоса становятся громче, — сказал он. — Шесть. Скоро будет семь. Потом восемь. Потом сто. И они не замолкнут никогда.

— Тогда научись их не слушать, — ответила Мира. — Или слушать, но не подчиняться. Это единственный способ выжить.

— —

10. Возвращение в лагерь

Они вернулись в сторожку к вечеру. Макс был бледен, еле держался на ногах. Мира подерживала его под руку. Тень шёл сзади, волоча больную ногу, и его единственный слот пульсировал тревожно, почти красным.

Денис встретил их у входа. Его лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но глаза оставались ясными. Он был слаб, голоден, почти без сил, но держался.

— Вы нашли? — спросил он.

— Да, — ответил Макс, опускаясь на землю у костра. — Жертвенную и хищную. Нейтральную оставили на потом.

— И сколько голосов теперь?

— Семь. Кинжал, старая броня, новый нагрудник, латы, старый меч, Поющий меч, топор. И «Слеза Ворона» — восьмой.

Дети смотрели на него с ужасом и восхищением. Женщины прижали их к себе, но не отворачивались. Они привыкли. Или просто устали бояться.

Макс достал из первого слота остатки мяса — штабель из трёх туш псов — и раздал беженцам. Дети ели молча, быстро, жадно, не жуя. Взрослые — медленно, экономно, откладывая куски на потом.

Тень не ел. Он сидел у стены, сжимая в руке палку, и смотрел на чёрные латы, которые пульсировали в пятом слоте Макса.

— Ты боишься их, — сказал Макс, заметив его взгляд.

— Да, — ответил Тень. — Я видел такие латы у вожака. Они сделали его монстром. Они сделают монстром и тебя.

— Они сделают меня сильнее, — сказал Макс. — А сильный может защищать слабых. Или убивать их. Я выбираю защищать.

— Вожак тоже выбирал, — Тень покачал головой. — В начале. Потом броня выбрала за него.

Макс не ответил. Он знал, что Тень прав. Но у него не было выбора.

— —

11. Новое правило архитектора

Ночью, когда костёр прогорел до углей, а дети заснули, Макс сидел у стены, сжимая в руке кинжал, и смотрел на огонь. Мира дремала рядом. Денис охранял вход. Тень спал в углу, свернувшись калачиком.

Он достал старую броню из первого слота, положил на колени. Та была прохладной — не холодной, не тёплой. Она ждала.

— Ты — моя жертвенность, — сказал он ей. — Я буду носить тебя, когда нужно защищать. Детей, женщин, тех, кто слабее. Я буду рисковать. Я буду получать шрамы. Но я не стану твоим рабом.

Броня замерла. Потом стала чуть теплее — на градус, не больше.

Он достал хищные латы из пятого слота, положил рядом. Те были холодными — ледяными. Они не простили ему отказа.

— А ты — моя жестокость, — сказал он им. — Я буду носить тебя, когда нужно убивать. Костоломов. Вожака. Тех, кто не оставляет выбора. Я буду причинять боль. Но только тем, кто заслужил. И я не стану твоим рабом.

Латы зашипели — недовольно, но тихо.

«Ты не сможешь контролировать нас, — прошептали они. — Рано или поздно мы возьмём своё. Ты заплатишь. Болью. Чужой или своей. Выбирай».

Макс убрал латы обратно в слот. Не ответил. Он знал — они будут ждать. Они всегда ждали.

Он сформулировал новое правило — мысленно, чётко, как закон:

«Я — Архитектор. Я строю порядок из хаоса. Жертвенная броня — моя защита. Хищная броня — моё оружие. Я буду носить их по очереди, но никогда — одновременно. Если они будут драться — я выброшу обе. И найду другие. Тупее, голоднее, злее. Но они будут слушаться».

Кинжал одобрительно вибрировал. Старый меч согласно вздохнул. Поющий меч тихо вывел мелодию согласия. Топор замер — он принял.

Амулет на шее пульсировал — спокойно, ровно, как второе сердце.

«Ты растёшь, — сказал он. — Не силой — структурой. Архитектор строит не из камня — из выбора. И каждый выбор оставляет трещину. Но если трещины правильные — здание стоит. Если нет — рушится».

Макс закрыл глаза. Сны не пришли — только голоса. Семь голосов, которые шептали, требовали, просили. Кинжал — крови. Старая броня — защиты. Новый нагрудник — самопожертвования. Хищные латы — чужой боли. Старый меч — силы. Поющий меч — тишины. Топор — памяти.

Он слушал. Не отвечал. Только слушал. Потому что если он начнёт отвечать, они никогда не замолчат. А если они не замолчат — он сойдёт с ума.

Или уже сошёл. Он не знал.

— —

12. Клиффхэнгер: звук из оврага

Перед рассветом Макс проснулся от того, что кто-то звал его.

Не голосом — ощущением. Тяжёлым, давящим, как земля над могилой. Он сел, прислушался. Ничего. Тишина. Только дыхание спящих и потрескивание углей.

И вдруг — звук. Из оврага, где лежали доспехи. Низкий, глубокий, как удар колокола. Он не был похож на голос — он был похож на зов. На приглашение. На обещание.

«Вернись, — сказал звук. — Я — не жертвенная, не хищная. Я — нейтральная. Я — выбор. Я — сделка. Вернись. Когда будешь готов умереть. Или когда кто-то другой будет умирать за тебя».

Макс встал, подошёл к выходу, прильнул к щели между досками. Лес был пуст. Серый, пульсирующий, с деревьями, которые стояли слишком прямо. Но вдалеке, на краю поляны, он увидел силуэт. Не человека — доспеха. Чешуйчатого, безликого, пустого. Он стоял и смотрел на сторожку. Ждал.

— Мира, — позвал он. — Там. Она пришла.

Мира подошла, прильнула к щели рядом.

— Нейтральная, — прошептала она. — Артефакт-аскет. Она выбрала тебя. Или ты выбрал её. Неважно. Она будет ждать. Годы. Десятилетия. Она не голодна — она терпелива.

— Я знаю, — ответил Макс. — Я вернусь к ней. Когда буду готов умирать. Или когда кто-то другой будет умирать за меня.

Он отошёл от щели, сел у костра. Силуэт в лесу не исчез — он просто стал частью темноты. Ждал. Как и все вещи в этом мире.

Макс достал из слота «Слезу Ворона», положил на колени. Чёрный кинжал пульсировал в такт его сердцу — быстро, неровно, как у человека, который бежит от смерти.

— Ты — мой последний довод, — сказал он кинжалу. — Когда жертвенная броня не выдержит, а хищная предаст — я возьму тебя. И буду резать слоты. Врагов. Или свои. Не знаю. Но ты будешь моим выбором.

«Сделка, — ответил кинжал. — Но помни: каждый разрез оставляет шрам. И шрамы эти — не на теле. На душе».

Макс убрал кинжал в слот. Закрыв глаза. Сны не пришли — только голоса. Восемь голосов. И сотни — за стеной, в лесу, в овраге, в слотах мёртвых коллекционеров. Они ждали. Они всегда ждали.

А в правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, пять активных, девять — четыре заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт. И коллекция, которая только начиналась.

Доспехи — жертвенные и хищные — лежали в его слотах, разделённые, как враждующие соседи. И он, Архитектор, должен был построить стену между ними. Или научить их жить в мире. Или умереть под их обломками.

Он выбрал строить.

— —

Конец главы 2

— —

Системные итоги по итогам главы

- Активные слоты: 5 (мусорный + оружейный + камень/зелья + жертвенная броня + хищные латы)
- Заблокировано: 94
- Аннигилировано: 1 (слот №72)
- Сытость: 35% → 32% (две примерки брони + внутренний конфликт)
- Урон здоровья: 55% → 58% (жертвенный акт защиты + отказ от хищных лат)
- Риск психотической перегрузки: 38% → 40% (новые голоса + конфликт внутри инвентаря)
- Новые предметы: Жертвенный нагрудник (+15% защиты за самопожертвование, 1% урона в минуту), Хищные латы (+30% защиты за чужую боль, штраф +10% веса при отказе)
- Новые голоса: +2 (жертвенный нагрудник, хищные латы), всего — 8 активных голосов

— —

Плашка в конце главы:

«Доспехи не лгут. Они просто требуют. Жертвенные — твою кровь. Хищные — чужую. Нейтральные — твой выбор. Архитектор должен знать цену каждого камня. Иначе стены рухнут. А под ними — он сам».

— Из дневника неизвестного коллекционера, найденного в овраге.

Глава 3. ПРИЗЫВ ИЗ СУМКИ

1. Тишина, которая не лечит

Макс проснулся от того, что его инвентарь молчал.

Это было настолько неестественно, что он несколько секунд лежал неподвижно, боясь дышать, вслушиваясь в пустоту. Восемь голосов — кинжал, старый меч, топор, Поющий меч, «Слеза Ворона», жертвенный нагрудник, хищные латы и даже капризная старая броня — все они затихли. Не исчезли — именно затихли, как звери, которые чувствуют приближение бури и забиваются в норы.

В сторожке было темно. Серый свет пробивался сквозь щели в прогнивших досках, рисуя на полу и стенах причудливые полосы. Костер догорел почти полностью — только несколько углей тлели в центре, выбрасывая редкие искры, пахнущие горьким дымом и сыростью. Беженцы спали — одиннадцать человек, взрослые и дети, свернувшиеся калачиками, прижавшиеся друг к другу, как щенки в холодной коробке. Их дыхание было ровным, но не спокойным — прерывистым, с присвистом, как у людей, которые видят тяжелые сны.

Денис, мужчина с перевязанной рукой и единственным слотом, сидел у входа, прислонившись спиной к косяку. Он не спал — его слот пульсировал тревожно, почти красным, и Денис смотрел в темноту перед собой пустыми, выцветшими глазами. Он забыл имя дочери вчера вечером. Сегодня он, наверное, забудет её лицо.

Мира сидела у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному дереву. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живица, которую она выпила вчера, делала своё дело. Рана затягивалась.

Тень, бывший Костолом, которого Макс взял в отряд два дня назад, спал в углу, свернувшись калачиком. Его единственный слот пульсировал ровно, спокойно — впервые за долгое время. Он не боялся. Или боялся, но слишком устал, чтобы показывать это.

Макс сел, опираясь на здоровую руку. Левая рука — левый мизинец — горел. Не физически. Он горел присутствием. Вернувшейся чувствительностью, которую он отвоевал у слотов ценой ампутации целой ячейки. Слот №72 был мёртв. Чёрен. Аннигилирован навсегда.

Сетка в правом углу глаза пульсировала, как всегда. Сто слотов. Десять на десять. Шесть активных. Девяносто три заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Бесконечный предел, который оказался не даром, а кредитом.

Инвентарь: 6 активных / 93 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 32%

Автофаг: приостановлен на 28 часов

Урон здоровья: 58%

Риск психотической перегрузки: 40%

Он пошевелил пальцами. Десять. Десять пальцев. Пока.

— Ты проснулся раньше обычного, — сказала Мира, не открывая глаз. — Голоса затихли?

— Да. Все. Даже хищные латы молчат. Это... это плохо?

— Не знаю, — Мира открыла глаза, посмотрела на него. В её взгляде была усталость — не физическая, душевная. — Вещи молчат, когда чувствуют опасность. Или когда готовятся к бою. Или когда они уже не одни.

Макс провёл рукой по нагруднику — старой жертвенной броне, которую он носил сейчас. Кожа и металл были прохладными — ни холодными, ни тёплыми. Броня не спала, но и не требовала. Она ждала.

— Что ты чувствуешь? — спросила Мира.

— Пустоту, — ответил Макс. — Не ту, которая была после ампутации слота. Другую. Как будто кто-то выключил радио, которое орало на полную мощность несколько дней подряд, и теперь в комнате стоит неестественная, почти болезненная тишина.

— Это называется «предчувствие», — Мира села, потянувшись, хрустнув позвонками. — У людей оно есть. У слотов — тем более. Твои вещи чувствуют что-то, чего ты пока не чувствуешь. И они боятся.

Макс посмотрел на свои активные слоты. Шесть ячеек. В первой — мусор: пустая фляга, амулет и старая броня. Во второй — оружие: кинжал, старый меч, топор, Поющий меч и «Слеза Ворона». В третьей — слот-камень и два лечебных зелья. В четвёртой — жертвенный нагрудник (новый). В пятой — хищные латы. В шестой — пустота. Пустота, которая появилась после того, как он ампутировал слот №72.

Он оставил её пустой. Система не возражала. Пока.

Денис, сидевший у входа, вдруг зашевелился, застонал, схватился за голову. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал хаотично, как сердце при аритмии. Он открыл глаза и посмотрел на Макса. В его взгляде было что-то новое — не страх, не надежда, а что-то среднее. Узнавание? Или просто галлюцинация.

— Мне приснился рюкзак, — сказал Денис, и голос его был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего. — Старый, походный, с нашивкой. В нём кто-то был. Не живой — мёртвый. Он звал тебя по имени.

— Рюкзак? — переспросил Макс. — Где?

— Не знаю. Во сне. Он лежал в подвале. Под нами. Под этой сторожкой.

Мира и Макс переглянулись.

— Под нами есть подвал? — спросил он.

— Я думала, это просто земля, — ответила Мира, нахмурившись. — Но если Денис говорит... сны иногда приходят не от системы. Иногда они приходят от голодных вещей, которые ищут хозяина.

— Или хозяин ищет их, — сказал Тень, открывая глаза. Он не спал — он просто лежал с закрытыми глазами, слушая. — Я был Костоломом. Мы искали такие места — подвалы, пещеры, склепы, где лежат забытые вещи. Иногда они зовут. Иногда — кричат. Но если ты слышишь зов — значит, вещь выбрала тебя. Или ты выбрал её. Неважно. Главное — ты должен пойти. Иначе вещь придёт сама.

Макс вспомнил нейтральную броню в овраге. Она тоже ждала. Тоже звала. Но не так — тихо, терпеливо, без спешки. А этот зов — он был другим. Требовательным. Голодным.

— Мы проверим, — сказал он, вставая. — Если подвал есть — я спущусь. Если там что-то есть — я возьму это. Или убью. Или умру. Но я не буду сидеть и ждать, пока вещь придёт ко мне сама.

— —

2. Подвал — вход в никуда

Люк в подвал они нашли за грудой прогнивших досок в дальнем углу сторожки. Тяжелый, деревянный, с ржавой металлической ручкой. Он был закрыт не на замок — на систему. Над ручкой, прямо в дереве, пульсировал слот. Один. Серый. Требовательный.

Макс подошёл, коснулся слота пальцем. Тот мигнул — и выдал сообщение:

Системное уведомление

Вход в подвал (забытый).

Требование: кровь активного игрока (не менее 5% здоровья).

Плата: 2% урона здоровья.

Время доступа: 1 час.

Макс вытащил кинжал, приставил к ладони. Тот вибрировал — нетерпеливо, жадно. Голоса вещей, которые затихли утром, вдруг зашептали с новой силой.

«Не ходи, — сказал кинжал. — Там пахнет смертью. Не свежей — старой. Гнилой. Я боюсь».

«Иди, — сказали хищные латы. — Там сила. Ты чувствуешь? Я чувствую. Возьми меня. Надень меня. Я защищу».

«Не бери хищницу, — сказала старая броня. — Надень меня. Я жертвенная. Я приму удар. Но ты должен защищать. Не себя — других».

«Я пойду один», — ответил Макс мысленно и полоснул по ладони.

Кровь хлынула — яркая, алая, пахнувшая железом. Капля упала на слот, и тот вспыхнул — белым, ослепительным. Люк вздрогнул, заскрежетал и медленно, тяжело, как больной, который встаёт с постели, открылся.

Изнутри пахло пылью, сухой землёй и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только сильнее, концентрированнее, как будто кто-то заварил из него чай и забыл выпить. И ещё — железом. Много железа. Кровью.

Мира подошла к люку, заглянула в темноту.

— Лестница есть, — сказала она. — Деревянная. Старая. Не знаю, выдержит ли.

— Я спущусь первым, — сказал Макс. — Ты прикроешь сверху. Если через час не вернусь — заваливай люк камнями и уходите. К убежищу Старого Волка. Не ждите меня.

— Я пойду с тобой, — сказала Мира.

— Нет, — Макс покачал головой. — Ты нужна здесь. Детям. Денису. Тени. Если я умру — ты должна будешь вести их дальше. Ты знаешь лес. Ты знаешь, где еда. Ты знаешь, где можно спрятаться.

— А если ты не умрёшь, но вернёшься не один? — спросил Тень из темноты. — Если ты принесёшь с собой то, что нельзя контролировать?

— Тогда я буду контролировать, — ответил Макс. — Или умру. Выбирай.

Он начал спуск.

— —

3. Лестница в прошлое

Ступени скрипели и прогибались под его весом, но держались. Дерево было старым, тёмным, покрытым слоем пыли и паутины. Перила отсутствовали — только верёвка, привязанная к ржавым кольцам в стенах. Макс держался за неё одной рукой, другой сжимая кинжал. Тот был горячим — он чувствовал опасность.

Свет сверху быстро угасал. Через десять ступеней Макс почти ничего не видел — только смутные очертания стен и свои руки, которые он поднял перед собой, чтобы не удариться лицом. Пахло всё сильнее — пыль, земля, сладость, железо. И холод. Глубокий, подземный холод, который пробирался под одежду и обнимал позвоночник.

Он спустился на дно через минуту — или через час, он не знал. Время здесь потеряло смысл.

Подвал был маленьким — метров пять в длину, три в ширину. Стены — из грубо отёсанных камней, скреплённых глиной. Пол — утрамбованная земля, усеянная мелкими камнями и обломками костей. Потолок — деревянные балки, кое-где подпертые прогнившими столбами.

И в центре подвала, на каменном пьедестале, лежал рюкзак.

Он был старым — кожаным, потертым, с потускневшими металлическими пряжками. На боку — нашивка: череп, перечёркнутый мечом. Гильдия. Не Костоломы — другая, более древняя. Макс не знал такой. Нашивка пульсировала — слабо, едва заметно, как пульс умирающего.

Рюкзак был не просто старым — он был живым. Или не был. Или был, но уже не помнил, кем был.

Макс подошёл ближе, протянул руку, коснулся кожи. Та была холодной — не ледяной, а именно холодной, как мёртвый металл. И вдруг — голос. Не мысленный — физический, исходящий из рюкзака, из воздуха вокруг него. Голос был тихим, слабым, прерывистым, как дыхание человека, который вот-вот умрёт.

«Ты пришёл, — сказал рюкзак. — Я ждал. Долго. Годы. Десятилетия. Я думал, никто не придёт. А ты пришёл».

— Кто ты? — спросил Макс, не отнимая руки.

«Я — память. Я — склад. Я — то, что осталось от того, кто не смог вернуть долг. Его слоты умерли. Его тело сгнило. А я остался. Потому что во мне лежит то, что нельзя потерять».

— Что лежит?

«Открой, — прошептал рюкзак. — Увидишь».

Макс отдернул руку, сделал шаг назад. Рюкзак замер, потом зашевелился — не сам, содержимое внутри него. Что-то металлическое звякнуло, заскрежетало, задвигалось.

— Я не открою, пока не узнаю, что внутри, — сказал Макс.

«Там скелет, — ответил рюкзак. — Мой прошлый хозяин. Он умер, но не ушёл. Он застрял между жизнью и смертью. Между слотом и пустотой. Он ждёт, когда кто-то даст ему бой. Или смерть. Или надежду».

— Скелет? — переспросил Макс, чувствуя, как холод пробегает по спине. — Живой скелет?

«Не живой и не мёртвый. Он — якорь. Привязан к этому рюкзаку, как цепью. Убей рюкзак — он рассыплется. Открой рюкзак — он вылезет. И тогда... тогда он будет драться. Или умрёт. Или убьёт».

Макс смотрел на рюкзак, и внутри него, в шести активных слотах, голоса зашептали с новой силой. Кинжал требовал крови. Хищные латы — чужой боли. Старый меч — силы. Поющий меч — тишины. Топор — памяти. «Слеза Ворона» — сделки.

А старая броня, которую он носил сейчас, прошептала тихо, едва слышно:

«Не бери. Это не добыча. Это ловушка. Ты не контролируешь то, что внутри. Оно само будет контролировать тебя».

Но Макс уже принял решение.

Он открыл шестой активный слот — пустой, зияющий — и мысленно отправил туда рюкзак.

Кожаный мешок исчез с пьедестала, появился в сетке 10 на 10, замер в ячейке. Иконка была чёрной — не серой, не красной, а именно чёрной, как нора, как дыра, как рот, который открывается и не закрывается. Она пульсировала — быстро, неровно, как сердце кролика, который чувствует хищника.

Системное уведомление

Получен аномальный предмет: «Кладка» (рюкзак забытого коллекционера).

Статус: нестабильный.

Содержимое: неопознано (вероятно — 1 активный артефакт + остаточные слоты).

Шестой активный слот занят.

Риск психотической перегрузки: 40% → 45%.

И в тот же миг его инвентарь взорвался криками.

— —

4. Шёпот из кладки

Кинжал заговорил первым — громко, требовательно, как будто бил в колокол.

«Ты с ума сошёл?! Ты положил в слот не просто вещь — ты положил могилу! Там лежит мёртвый! Он будет кричать! Он будет требовать! Он вытеснит нас!»

Старый меч заворчал — низко, тяжело, как отдалённый гром.

«Кладка — это не оружие. Это тюрьма. Ты принёс в свой инвентарь чужую смерть. Теперь она будет жить здесь. И питаться твоими слотами».

Поющий меч запел — громко, красиво, печально, как прощание. Он не спорил — он предупреждал.

«Гармония нарушится. Голоса станут громче. Скелет внутри кладки услышит нас. И захочет выбраться».

Топор молчал. Но Макс чувствовал его тяжесть — он был не согласен. Или просто устал спорить.

Хищные латы зашипели — недовольно, но не агрессивно. Они чувствовали родственную душу. Тоже требовали чужой боли.

«Скелет — хорошая игрушка, — прошептали они. — Он будет убивать. Он будет причинять боль. Мы будем сыты. Ты будешь сыт. Это сделка».

— Это не сделка, — ответил Макс мысленно. — Это эксперимент.

«Эксперименты убивают, — сказала „Слеза Ворона“. — Режь связи, пока не поздно. Вытащи рюкзак из слота. Уничтожь его. Или он уничтожит тебя».

Макс зажал уши руками, но голоса были внутри. Он открыл рот, чтобы закричать, но не закричал. Он стоял в подвале, сжимая в руке кинжал (тот выпал из слота сам — он тоже спорил), и чувствовал, как его собственные слоты превращаются в поле битвы.

И тогда из шестого слота, из чёрной иконки, раздался новый голос. Не мысленный — физический, исходящий из рюкзака, который лежал в ячейке, но звучал так, будто он был здесь, в подвале, рядом с Максом.

Голос был низким, скрипучим, как ржавые петли на ветру. И он не просил — он требовал.

«Открой меня. Выпусти меня. Я хочу убивать. Я хочу мстить. Я хочу... жить».

Макс отшатнулся, прижался спиной к холодной стене. Кинжал в руке дрожал — не от страха, от напряжения.

— Кто ты? — спросил он, хотя знал ответ.

«Я — тот, кто умер. Но не ушёл. Меня звали... неважно. Имя съели слоты. Я помню только топор. Мой топор. Он здесь, в рюкзаке. Он ждёт. Открой. Дай мне топор. Я дам тебе два удара. Два. Потом я успокоюсь. Или умру. Или убью тебя. Открой».

Макс посмотрел на шестой слот. Чёрная иконка пульсировала — быстро, неровно, как пульс умирающего. Он знал, что если откроет рюкзак сейчас, здесь, в подвале — скелет вылезет. И тогда — или он, или Макс. Или они оба.

Он закрыл интерфейс, сунул кинжал в слот (тот не хотел уходить, но ушёл), и начал подниматься по лестнице.

Голос из рюкзака преследовал его до самого верха:

«Ты обещал. Ты взял меня. Теперь ты мой хозяин. Или мой должник. Или моя жертва. Неважно. Ты ответишь. Рано или поздно. Я подожду».

— —

5. Вечер напряжения

Макс выбрался из подвала через десять минут — грязный, мокрый от пота, с красными глазами и дрожащими руками. Мира встретила его у люка, с ножом в руке. Её три слота пульсировали тревожно, почти красным. Она видела его лицо — и не спрашивала, что случилось.

— Ты взял её, — сказала она. Не спросила — констатировала.

— Да, — ответил Макс, садясь на пол. — Я взял. Это кладка. Внутри — скелет с топором. Он говорит. Требуется. Хочет вылезти.

— И ты позволишь ему вылезти?

— Не знаю. Может быть, в бой. С Костоломами. С вожаком. Он сказал, что даст два удара. Два. Потом успокоится. Или умрёт. Или убьёт меня.

Тень, сидевший у стены, поднял голову. Его единственный слот пульсировал ровно, но тревожно.

— Я слышал о таких, — сказал он. — «Якоря». Костоломы использовали их для защиты убежищ. Выпускали скелета, он убивал нескольких врагов, потом рассыпался. Но иногда — иногда он убивал всех. И своих, и чужих.

— Как его контролировать?

— Никак, — Тень покачал головой. — Ему нужен только бой. Если ты дашь ему бой — он будет драться. Если нет — он будет драться с тобой.

Макс посмотрел на свои слоты. Шесть активных. Девяносто три заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. И в шестом — рюкзак. Кладка. Скелет. Голос, который шептал: «Открой».

Денис, сидевший у входа, вдруг зашевелился, застонал, схватился за голову. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал хаотично, как сердце при аритмии. Он открыл глаза и посмотрел на Макса.

— Он зовёт тебя, — сказал Денис, и голос его был чужим — выше, тоныше, с металлическим оттенком, как будто говорил не человек, а что-то, поселившееся внутри. — Скелет. Он говорит: «Приготовься. Я выйду сегодня ночью. Когда ты заснёшь. Я не могу ждать».

Макс почувствовал, как холод пробегает по спине. Он посмотрел на Миру. Та побледнела — но не от страха, от понимания.

— Он не врёт, — сказала она. — Ты взял кладку. Ты стал её хозяином. Теперь скелет принадлежит тебе. Но только если ты дашь ему то, что он хочет.

— А что он хочет?

— Бой. Кровь. Смерть. То же, что и все вещи в этом мире. Только он честнее. Он не требует сделок — он требует действия.

Макс встал, подошёл к выходу, прильнул к щели между досками. Лес был пуст. Серый, пульсирующий, с деревьями, которые стояли слишком прямо. Но вдалеке, на краю поляны, он увидел силуэт. Не человека — скелета. Того самого, который лежал в рюкзаке. Он стоял и смотрел на сторожку. Ждал.

— Он уже здесь, — сказал Макс. — Снаружи. Он вышел сам.

— Не может быть, — Мира подошла, прильнула к щели рядом. — Рюкзак закрыт. Слот активен. Он не мог вылезти.

— А если он не вылезал? — сказал Тень. — Если он всегда был здесь? В лесу. В этом мире. А рюкзак — просто привязка? Якорь, который держит его здесь. А без якоря он уйдёт. Или исчезнет. Или станет свободным.

Макс отошёл от щели, сел у костра. Он знал, что должен сделать. Он должен открыть рюкзак. Выпустить скелета. Дать ему бой. Или умереть. Или убить.

— Сегодня ночью, — сказал он. — Когда все уснут. Я открою кладку. В сторожке. Внутри. Чтобы дети не видели.

— Я останусь с тобой, — сказала Мира.

— Нет, — Макс покачал головой. — Ты выведешь всех в лес. Спрячешься за камнями. Если я справлюсь — вернусь. Если нет — уходите. К убежищу Старого Волка. Не ждите.

— Ты не справишься, — сказал Тень. — Скелет сильнее. Он не чувствует боли. Не чувствует страха. Он просто убивает.

— Тогда я умру, — ответил Макс. — Но не в подвале, как крыса. В бою, как человек.

— —

6. Ночь. Приготовления

Беженцев вывели в лес за час до «полуночи» — того времени, когда серое небо темнело на три тона, и в лесу появлялись те, кто не спит. Мира повела их к старому каменному завалу в полукилометре от сторожки. Денис нёс самого маленького мальчика на плечах. Женщины шли молча, прижимая детей к себе. Тень замыкал, сжимая в руке палку — единственное оружие, которое у него было.

Макс остался в сторожке один.

Он сидел у костра, сжимая в руке кинжал, и смотрел на огонь. Пламя было жёлтым, живым, пахло дымом и смолой. Оно не пульсировало, как деревья, и не шептало, как камни. Оно просто горело. И это было хорошо.

Он проверил снаряжение. Старая броня (жертвенная) — на нём. Кинжал — в правой руке. Старый меч — на поясе. Поющий меч — в слоте, готовый запеть. «Слеза Ворона» — в другом слоте, для резки связей. Хищные латы — в пятом слоте, на случай, если жертвенная броня не выдержит.

И рюкзак — в шестом. Чёрный, пульсирующий, требовательный.

Макс достал его из слота, положил на землю перед собой. Тот был тяжёлым — тяжелее, чем должен быть. Кожа пульсировала — медленно, глубоко, как артерия. Пряжки звенели — тонко, едва слышно, как комариный писк.

— Ты готов? — спросил он у рюкзака.

«Я всегда готов, — ответил голос изнутри. — Открой. Выпусти меня. Дай мне топор. Я дам тебе два удара. Два. Потом я успокоюсь. Или умру. Или убью тебя. Открой».

Макс глубоко вздохнул, отстегнул пряжки, откинул крышку.

Из рюкзака пахло пылью, сухой землёй и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только сильнее, концентрированнее, как будто кто-то заварил из него чай и забыл выпить. И ещё — железом. Много железа. Кровью.

И из темноты, из глубины рюкзака, вылезла костлявая рука.

— —

7. Призыв

Скелет выбирался медленно, с трудом, как будто его кости не слушались. Сначала — кисть. Пальцы — длинные, жёлтые, с остатками сухожилий. Потом — запястье, предплечье, локоть. Потом — плечо, ключица, череп.

Череп повернулся к Макс. Глазницы были пустыми — но в них, в глубине, горели два красных огонька. Не глаза — слоты. Два маленьких слота, которые пульсировали в такт его сердцу. Или в такт чему-то другому, чему-то, чего Макс не знал.

Скелет вылез из рюкзака полностью — и замер.

Он был невысоким — ниже Макса на голову. Кости — жёлтые, с тёмными пятнами, покрытые трещинами. На рёбрах — следы от ударов мечом. На черепе — глубокая вмятина, как от топора. В правой руке — топор. Ржавый, зазубренный, но острый. Лезвие блестело в свете костра — тускло, зловеще.

Скелет не двигался. Он стоял посреди сторожки, опустив топор, и смотрел на Макса пустыми глазницами. Ждал.

— Ты... — начал Макс, но не закончил.

Скелет заговорил — не ртом, не голосом — вибрацией. Кости звенели, череп вибрировал, и из этого звона, из этой вибрации рождались слова. Низкие, скрипучие, как ржавые петли на ветру.

«Ты открыл. Я вышел. Теперь — бой. Или смерть. Выбирай».

— Я не хочу боя, — сказал Макс, сжимая кинжал. — Я хочу договориться. Ты говорил, что дашь два удара. Два. Потом успокоишься. Или умрёшь. Или убьёшь меня. Я выбираю два удара. Ты ударишь два раза. Я — заблокирую. Или нет. А потом — ты вернёшься в рюкзак. Или рассыпешься. Сделка?

Скелет замер. Красные огоньки в глазницах потускнели, потом вспыхнули ярче.

«Сделка, — сказал он. — Но помни: я не умею бить слабо. Я быю — чтобы убить. Если ты выдержишь два удара — я поверю, что ты сильный. И буду слушаться. Если нет — ты умрёшь. И я найду другого хозяина».

— Я выдержу, — сказал Макс, вставая в стойку. Кинжал в правой руке, старый меч — в левой. Броня на груди была холодной — не ледяной, но и не тёплой. Она ждала.

«Начинай», — сказал скелет и занёс топор.

— —

8. Первый удар

Скелет ударил быстрее, чем ожидал Макс. Топор нёсся к его голове — не горизонтально, не вертикально, а по диагонали, снизу вверх, целя в шею. Макс не успел уклониться — он подставил левую руку со старым мечом.

Лязг металла разнёсся по сторожке, как колокольный звон. Старый меч не выдержал — лезвие треснуло, разлетелось на несколько кусков, и Макс отбросил рукоять в сторону. Кровь брызнула из пореза на ладони — не глубокого, но болезненного.

Системное сообщение всплыло перед глазами:

Урон старого меча: критический. Предмет уничтожен.

Текущий урон здоровья: 58% → 60%.

Старый меч в слоте застонал — не голосом, вибрацией. Он умирал. Или просто обиделся.

Но Макс не успел пожалеть о нём. Скелет уже заносил топор для второго удара.

— —

9. Второй удар

Макс решил принять удар на броню. Не уклоняться, не блокировать — принять. Чтобы проверить, выдержит ли.

Он шагнул вперёд, встал грудью к топору, раскинул руки в стороны — как принимающий смерть. Броня на груди была холодной — но когда лезвие топора коснулось металла, она стала горячей. Мгновенно, как вспышка.

Жертвенная броня выдержала удар — но не полностью. Топор пробил кожу, металлические пластины, но не дошёл до тела. Застрял в сантиметре от сердца. Макс почувствовал, как что-то горячее разливается по груди — не кровь, адреналин.

Он схватил топор за древко, рванул на себя. Скелет не сопротивлялся — он отпустил оружие, сделал шаг назад и замер.

— Два удара, — сказал Макс, тяжело дыша. — Ты дал. Я выдержал. Сделка.

Скелет смотрел на него пустыми глазницами. Красные огоньки потускнели, потом погасли совсем. Кости зазвенели — и он начал оседать, рассыпаться, как песок. Позвонки, рёбра, череп — всё падало на пол, превращалось в труху, в пыль, в ничто.

Но прежде, чем исчезнуть совсем, череп прошептал — не голосом, вибрацией:

«Ты сильный. Я вернусь. Если позовёшь. Я — твой. Пока помнишь».

Труха замерла. Пыль осела. Рюкзак, лежащий на земле, перестал пульсировать. Он стал просто кожей, пряжками, тканью. Мёртвым.

Системное сообщение:

«Якорь» разомкнут. Скелет-берсерк деактивирован.

Статус: ожидание (0/2 заряда). Для повторного призыва требуется 10% здоровья и 1 слот воспоминаний.

Шестой активный слот: пуст.

Макс опустился на колени, снял броню, посмотрел на грудь. Там, где топор пробил защиту, осталась глубокая вмятина и тонкая красная полоска — не царапина, не порез, а что-то другое. Отметина. Плата за защиту.

Он вытер кровь с лица (нос тоже пошёл — напряжение разорвало капилляры), поднял рюкзак, закинул за спину. Тот был лёгким — намного легче, чем когда он его брал. Скелет ушёл. Или заснул. Или ждал следующего раза.

Макс вышел из сторожки, посмотрел на лес. Серый, пульсирующий, живой. Вдали, на краю поляны, силуэт исчез. Скелет больше не ждал. Он был внутри. В рюкзаке. В слоте. В памяти.

— —

10. Утро нового договора

Мира вернулась с беженцами через час. Увидела Макса, сидящего у костра, с рюкзаком на коленях и потухшим взглядом. Не спросила, что случилось — поняла сама.

— Ты выпустил его, — сказала она, садясь рядом.

— Да, — ответил Макс. — Он дал два удара. Я выдержал. Теперь он — мой. Пока помню.

— А если забудешь?

— Тогда он выйдет сам. И убьёт меня. Или убьёт тех, кто рядом.

Мира смотрела на него долго, тяжело. Потом покачала головой.

— Ты — коллекционер, — сказала она. — Ты собираешь не только вещи — ты собираешь долги. Кинжалу ты должен кровь. Поющему мечу — тишину. Хищным латам — чужую боль. Жертвенной броне — самопожертвование. А скелету — память. Ты носишь их всех в себе. И каждый требует платы.

— Я знаю, — ответил Макс. — Но я не могу отдать то, чего у меня нет. Я не могу дать кинжалу кровь, если не убиваю. Я не могу дать хищным латам чужую боль, если не причиняю страдания. Я не могу дать скелету память, если она умирает вместе со мной.

— Тогда ты умрёшь, — сказала Мира. — Или станешь монстром.

— Или найду другой путь, — Макс поднял голову, посмотрел на серое небо. — Ты говорила о Старом Волке. О его убежище. Там, говорят, можно договориться с системой. Можно обменять не кровь, не боль, не память — а что-то другое. Надежду. Или страх. Или просто выбор.

— Ты веришь в сказки? — спросила Мира.

— Я верю в то, что видел, — ответил Макс. — Я видел скелета, который вышел из рюкзака и замер после двух ударов. Я видел, как хищные латы требуют чужой боли, а жертвенная броня — моего самопожертвования. Я видел, как Поющий меч поёт, когда я плачу тишиной. Я видел, как «Слеза Ворона» режет связи. И я видел, как старый меч умер у меня на руках, потому что не выдержал удара. Если я могу видеть это — значит, я могу видеть и Старого Волка. Или он может увидеть меня.

Он встал, закинул рюкзак за плечи, поправил броню. Та была прохладной — не холодной, не тёплой. Она ждала.

— Сегодня мы идём к убежищу, — сказал он. — Все. Дети, женщины, Денис, Тень, ты, я. Если Старый Волк существует — мы найдём его. Если нет — найдём другой путь. Но мы не будем сидеть на месте и ждать, пока Костоломы придут за нами.

— А если он не захочет говорить с тобой? — спросил Тень, подходя ближе. Его единственный слот пульсировал тревожно, но ровно.

— Тогда я буду говорить, — ответил Макс. — Или он будет говорить. Или мы будем драться. Или умрём. Но я не сдамся.

Он посмотрел на свои слоты. Шесть активных. Девяносто три заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. И рюкзак — в руке, не в слоте. Он решил не прятать его. Пусть висит на плече. Пусть напоминает о том, что внутри — не просто вещь. А память. И сделка.

— Идём, — сказал он, и они пошли в лес — в серый свет, навстречу неизвестности, навстречу Старому Волку, который, может быть, ждал их. Или не ждал. Или ждал, но не для того, чтобы помочь.

А в правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, шесть активных, девяносто три заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт. И коллекция, которая только начиналась.

— —

Системные итоги по итогам главы

- Активные слоты: 6 (мусорный + оружейный + камень/зелья + жертвенная броня (новая) + хищные латы + пустой)
- Заблокировано: 93
- Аннигилировано: 1 (слот №72)
- Сытость: 32% → 28% (призыв скелета + внутренний конфликт)
- Урон здоровья: 58% → 62% (два удара скелета)
- Риск психотической перегрузки: 40% → 46% (новый голос + аномальный предмет)
- Новый предмет: «Кладка» (рюкзак забытого коллекционера) — нестабильный, содержит остаточные слоты и «спящего» скелета-берсерка.
- Уничтожен: Старый меч (критический урон, предмет выпал из инвентаря)
- Новые голоса: +1 (скелет в рюкзаке), всего — 9 активных голосов (Кинжал, Поющий меч, старая броня, новый нагрудник, хищные латы, топор, «Слез Ворона», амулет, скелет)

— —

Плашка в конце главы:

«Коллекционер собирает не вещи — он собирает обещания. Каждый новый предмет в инвентаре — это сделка. Каждая сделка — цепь. Если цепей слишком много — они сковывают хозяина. И тогда он становится не Архитектором, а экспонатом. В собственной коллекции».

— Из дневника неизвестного коллекционера, найденного у подножия алхимического sklepa.

ГЛАВА 4. ПЛАТА ЗА ПРИЗЫВ

Скелет требует убийство каждые 10 минут. Макс не успевает — скелет атакует его.

— —

1. Тишина после призыва

Рюкзак лежал на земле, как свёрток мёртвой кожи.

Макс смотрел на него уже несколько минут, и ему казалось, что он видит, как пульсация уходит из потрёпанной ткани, как пряжки теряют свой тусклый блеск, как сама ткань становится тоньше, прозрачнее, превращаясь в ничто. «Кладка» — так назвала её система — больше не дышала. Она была просто вещью. Старой, ненужной, пустой.

Но внутри, глубоко в слотах, где система хранила информацию, которую нельзя было увидеть глазами, Макс чувствовал остаточное тепло. Скелет не исчез. Он заснул. Или затаился. Или ждал.

— Ты живой? — спросила Мира, появляясь из темноты между деревьями.

Она не спала — она никогда не спала подолгу. Её три слота пульсировали ровно, но тревожно. На правом плече — свежая повязка. Живица, которую она выпила перед выходом, сделала своё дело. Рана затягивалась.

— Да, — ответил Макс, не поднимая головы. — Живой. Но старый меч умер. Сломался. Рассыпался.

Мира подошла ближе, присела на корточки, подняла с земли обломок лезвия — ржавый, с чёрными пятнами. Повертела в руках, покачала головой.

— Он был старым. Он помнил много боёв. Он устал. — Она бросила обломок обратно на землю. — Не кори себя. Вещи умирают. Как люди. Как слоты. Ты не можешь спасти всех.

— Я не пытаюсь спасти всех, — сказал Макс, и голос его был хриплым, сломанным, как у человека, который долго кричал или долго молчал. — Я пытаюсь не умереть. И не дать умереть тем, кто идёт за мной. Это разные вещи.

Мира не ответила. Она смотрела на рюкзак, и в её глазах было что-то новое — не страх, не уважение, а что-то среднее. Подозрение. Она чувствовала то же, что и он: «Кладка» не была мёртвой. Она просто притворялась.

Тень — бывший Костолом, которого Макс взял в отряд два дня назад — сидел у стены, прислонившись спиной к холодному дереву. Его единственный слот пульсировал ровно, спокойно — впервые за долгое время. Он не спал — он смотрел на рюкзак, и в его взгляде было что-то, чего Макс не видел раньше. Не страх, не надежда, а что-то среднее. Узнавание.

— Я видел такие, — сказал Тень, и голос его был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего. — У вожака. В его убежище. Рюкзаки, сумки, мешки. В каждом — что-то живое. Или почти живое. Он называл их «якорями». Говорил, что они держат его в этом мире. Не дают выпасть в пустоту.

— В пустоту? — переспросил Макс, поднимая голову. — Что это значит?

— Никто не знает, — Тень пожал плечами. — Может быть, смерть. Может быть, безумие. Может быть, то место, где нет слотов. Где нет голосов. Где нет ничего. Вожак боялся пустоты больше, чем Костоломов. Больше, чем системы. Он говорил, что пустота — это настоящая смерть. А всё остальное — просто отсрочка.

Макс посмотрел на свои руки. Они были в крови. Засохшей, чёрной, вьёвшейся в трещины кожи, под ногти, в линии судьбы, которых он никогда не разбирал. Кровь скелета? Кровь псов? Кровь Костолома с семью слотами? Он не различал. Она смешалась, стала одним целым, как и всё в этом мире.

Он открыл интерфейс. Сетка 10 на 10 пульсировала, как всегда. Сто слотов. Шесть активных. Девяносто три заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Бесконечный предел, который оказался не даром, а кредитом.

Инвентарь: 6 активных / 93 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 28%

Автофаг: приостановлен на 26 часов

Урон здоровья: 62%

Риск психотической перегрузки: 46%

Он прочитал цифры, и они показались ему приговором. Двадцать восемь процентов сытости — это почти треть. Автофаг спит чуть больше суток — это хорошо. Но урон шестьдесят два процента — это больше половины. Он был как ходячая рана, как человек, который уже должен был умереть, но продолжал дышать по привычке. Риск сорок шесть процентов — это красная зона. Голоса в голове стали громче, и он знал — они будут становиться только громче.

Рядом, на земле, лежали обломки старого меча. Макс поднял один из них — рукоять с остатком лезвия. Она была холодной, мёртвой. Ни пульсации, ни тепла, ни голоса. Старый меч умер. Не обиделся — именно умер. Система высосала из него всё, что можно было высосать, и выбросила остатки. Как пустую оболочку. Как скорлупу.

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда он сжал рукоять:

«Старый меч (обычный) уничтожен. Слот №2 (оружейный) освобождён. Количество предметов в штабеле: 4 (кинжал, топор, Поющий меч, „Слеза Ворона“»).

Макс выбросил рукоять в сторону. Она упала в кучу пепла и углей, и от неё пошёл тонкий, едва заметный дымок. Не пожар — умирание.

Кинжал в слоте зашевелился. Заговорил — мысленно, но Макс услышал его отчётливо, как будто тот кричал в пустой комнате.

«Он был слабым, — сказал кинжал. — Слабые умирают. Сильные выживают. Ты — сильный. Ты выжил. Я горжусь».

— Заткнись, — ответил Макс мысленно. — Не смей говорить о нём в прошедшем времени. Он был моим. Он был с нами с первого дня. Он заслужил уважение.

«Уважение не кормит, — усмехнулся кинжал. — Кровь кормит. Твоя или чужая. А уважение — это просто слово. Оно не греет. Оно не защищает. Оно не убивает».

Макс не ответил. Он закрыл интерфейс, поднялся на ноги. Ноги дрожали, но он устоял. Броня на груди была холодной — не ледяной, как в дни голода, а именно холодной, как утренний воздух. Старая жертвенная броня не спала, но и не требовала. Она ждала. Его поступков. Его риска. Его самопожертвования.

Денис, мужчина с перевязанной рукой и единственным слотом, сидел у входа, прислонившись спиной к косяку. Его лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но глаза оставались ясными. Он был слаб, голоден, почти без сил, но держался. Всегда держался.

Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он не спал. Он смотрел на Макса пустыми, выцветшими глазами, и в них не было ничего. Ни страха, ни надежды, ни удивления. Только пустота.

— Ты забыл имя дочери вчера, — сказал Макс, подходя к нему. — Сегодня ты забыл её лицо?

Денис посмотрел на него долго, тяжело. Потом кивнул — коротко, по-мужски.

— Да, — ответил он, и голос его был спокойным, как у человека, который уже всё потерял и не боится потерять остальное. — Забыл. Она была красивая. Светлые волосы. Веснушки. Я помню только это. Светлые волосы и веснушки. Без лица. Без имени. Просто... картинка.

— Ты будешь жить, — сказал Макс, положив руку на его плечо. — Я найду еду для твоего слота. Я убью для тебя, если нужно. Но ты не сдавайся. Понял?

— Ты не можешь убивать для всех, — Денис покачал головой. — У тебя сто слотов. Они голодны. Ты едва кормишь себя. Если ты начнёшь кормить ещё и меня, ты умрёшь через неделю.

— Я умру через неделю, если не попробую, — ответил Макс. — А если попробую — может быть, выживу. Это единственное, что я знаю.

Он отвернулся от Дениса, подошёл к рюкзаку. Тот лежал на земле, как мёртвый зверь, и не подавал признаков жизни. Макс нагнулся, поднял его, закинул за спину. Кожа была холодной, но не ледяной. Она не пульсировала. Она просто была.

— Что ты делаешь? — спросила Мира, вставая.

— Беру его с собой, — ответил Макс. — Он — моё оружие. Моя страховка. Мой... якорь.

— Ты не знаешь, как он работает, — сказала Мира. — Ты не знаешь, чем платить. Ты не знаешь, когда он предаст.

— Тогда я узнаю, — сказал Макс. — Я — Архитектор. Я строю порядок из хаоса. Я узнаю всё, что нужно, чтобы выжить. Или умру, пытаюсь.

Он повернулся к выходу. Серый свет пробивался сквозь щели между досками, рисуя на полу и стенах причудливые полосы. Лес ждал. Пульсировал. Дышал.

— Мы идём к убежищу Старого Волка, — сказал он. — Все. Дети, женщины, Денис, Тень, ты, я. Если Старый Волк существует — мы найдём его. Если нет — найдём другой путь. Но мы не будем сидеть на месте и ждать, пока Костоломы придут за нами.

— А если он не захочет говорить с тобой? — спросил Тень, поднимаясь на ноги.

— Тогда я буду говорить, — ответил Макс. — Или он будет говорить. Или мы будем драться. Или умрём. Но я не сдамся.

Он вышел из сторожки, и лес встретил его тишиной. Серой, плотной, давящей, как вода на глубине. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Лес дышал. Лес смотрел. Лес ждал.

Мира вышла за ним, за ней — Тень, Денис, женщины, дети. Одиннадцать человек. Меньше, чем неделю назад. Гораздо меньше, чем должно было быть.

Макс закинул рюкзак повыше, затянул ремни. Тот не давил, не тёр, не мешал. Он просто висел на спине, как напоминание о том, что внутри — не пустота. А сделка.

Или смерть.

— —

2. Соблазн и решение

Они шли через архитектурный лес — тот самый, где Макс нашёл Поющий меч. Только теперь коридоры были другими: более узкими, более тёмными, более опасными. Деревья наклонялись, переплетались ветвями, образуя живые своды, под которыми царил полумрак. Корни выступали из земли, как змеи, готовые ужалить. Воздух стал плотным, тяжёлым, как перед грозой. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только слабее, разбавленным, как старый чай.

Макс шёл впереди, сжимая в руке кинжал. Старая броня — жертвенная — висела на нём, не грела, не холодила, просто существовала. Рюкзак на спине казался невесомым, но Макс знал — это обман. Он весил столько же, сколько весит сделка, от которой нельзя отказаться.

Мира шла за ним, прикрывая детей. Тень замыкал, опираясь на палку, и его единственный слот пульсировал тревожно, почти красным. Денис нёс самого маленького мальчика на плечах — тот уже не плакал, у него не было сил. Женщины шли в центре, держась за руки, как стая испуганных птиц. Дети — старшие, лет пяти-семи — шли молча, сжимая в руках камни и палки, единственное оружие, которое у них было.

— Нам нужно остановиться, — сказала Мира через час пути. — Дети устали. Денис еле идёт. Ты сам шатаешься.

— Нет, — ответил Макс, не оборачиваясь. — Мы должны идти. Костоломы близко. Я чувствую их пульсацию. Вожак — в трёх милях к северу. Он не один. С ним отряд. Человек десять. Может быть, двенадцать.

— Если мы не отдохнём, мы не сможем драться, — Мира повысила голос. — Ты — не машина. Ты — человек. Ты теряешь кровь. Ты не спал нормально уже несколько дней. Твоя броня холодна. Твои слоты голодны. Остановись. Хотя бы на час.

Макс остановился. Он знал — она права. Он чувствовал, как силы покидают его, как мышцы ноют, как голова кружится. Урон здоровья 62% — это не шутка. Он был на грани. И если он упадёт сейчас, никто не поднимет его.

— Хорошо, — сказал он, поворачиваясь к отряду. — Привал. Десять минут. Дети — садитесь. Взрослые — пейте воду. Тень — охраняй периметр.

Они расселись на земле, у корней старой сосны. Сосна была не такой, как остальные — с корой, которая не пульсировала, но и не была мёртвой. Она была просто старой. Как дуб в лагере. Как камни, на которых он спал в первую ночь. Как всё, что не хотело быть частью системы.

Макс сел у ствола, прислонился спиной к холодной коре, снял рюкзак, положил на колени. Тот был лёгким — намного легче, чем когда он его брал. Скелет ушёл. Или заснул. Или ждал следующего раза.

— Ты должен проверить его, — сказал Тень, подходя ближе. — «Кладку». Система могла изменить условия. Пока ты носишь её, она — часть твоего инвентаря. Часть твоего долга.

Макс открыл интерфейс, нашёл шестой активный слот — тот, где лежал рюкзак. Иконка была чёрной — не серой, не красной, а именно чёрной, как нора, как дыра, как рот, который открывается и не закрывается. Она пульсировала — медленно, глубоко, как пульс умирающего.

Он мысленно нажал на иконку — и система выдала сообщение:

«Кладка (нестабильная). Статус: разомкнута. Заряды берсерка: 0/2. Для реактивации требуется: 1) Жертва (живая плоть, ценность не менее 5 сытости). 2) 10% здоровья хозяина. 3) Команда «Призвать».

Внимание! Пассивный расход сытости на поддержание резерва: 1% каждые 10 минут. Текущий резерв: пуст. Для отмены расхода необходимо вынуть жертву из Кладки или призвать скелета».

Макс прочитал три раза, но смысл не доходил. Пассивный расход сытости. 1% каждые 10 минут. Пока резерв пуст — расхода нет. Но как только он положит в рюкзак новую жертву, счётчик включится. И будет тикать. Каждые 10 минут. Каждый час. Каждый день.

— Что там? — спросила Мира, садясь рядом.

— Система берёт плату за хранение, — ответил Макс. — Если я положу в рюкзак жертву, чтобы скелет был готов к призыву, я буду терять 1% сытости каждые 10 минут. Просто за то, что он лежит в резерве.

— Это много, — Мира нахмурилась. — 6% в час. Если ты будешь держать его в резерве сутки — потеряешь 144% сытости. Твоя максимальная сытость — 100%. Ты умрёшь от голода через 16 часов.

— Я знаю, — сказал Макс. — Но я не собираюсь держать его сутки. Я буду держать его только до боя. Потом — призову. Или выну жертву.

— А если бой будет не через час, а через три? — спросил Тень, подходя ближе. — Если Костоломы затянут? Если мы заблудимся в лесу? Ты потеряешь 18% сытости. Это почти пятая часть. Ты и так еле держишься.

Макс молчал. Он смотрел на рюкзак, на чёрную иконку в интерфейсе, на цифры, которые пульсировали перед глазами. 28% сытости. 26 часов до автофага. 62% урона. 46% риска. Он был на грани. И каждое решение, каждый выбор приближал его к краю.

Он закрыл интерфейс, поднял голову.

— У нас нет выбора, — сказал он. — Костоломы сильнее нас. У них больше слотов, больше оружия, больше опыта. Если мы встретим их в лесу без подготовки — мы умрём. Все. Дети, женщины, Денис, Тень, ты, я. Скелет — наша единственная надежда.

— Не единственная, — сказала Мира. — Мы можем спрятаться. Можем уйти в болото. Можем дойти до убежища Старого Волка раньше, чем они нас догонят.

— А если не дойдём? — спросил Макс. — Если они перекроют дорогу? Если в убежище никого нет? Если Старый Волк не захочет нам помогать?

Мира не ответила. Она знала — он прав. Риск был везде. В каждом шаге, в каждом решении, в каждом выборе.

Макс достал из первого слота остатки мяса — штабель из двух туш псов (одну он скормил детям вчера, другую — сегодня утром). Туши были старыми, подгнившими, но ещё съедобными для системы. Он выбрал самую маленькую, положил на землю перед рюкзаком.

— Ты собираешься скормить её «Кладке»? — спросил Тень, и в его голосе прозвучало что-то похожее на ужас. — Прямо здесь? Среди детей?

— Дети не будут смотреть, — сказал Макс, поворачиваясь к женщинам. — Отведите их вон за те камни. И не выходите, пока я не позову.

Женщины зашептались, задвигались, подхватили детей, повели в сторону. Денис пошёл с ними, сжимая в руке нож. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он боялся. Не скелета — себя. Свой слот, который голодал и требовал.

Тень остался. Мира осталась.

Макс открыл рюкзак, откинул крышку. Изнутри пахнуло пылью, сухой землёй и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только сильнее, концентрированнее, как будто кто-то заварил из него чай и забыл выпить. И ещё — железом. Много железа. Кровью.

Он взял тушу пса, поднёс к рюкзаку, зажмурился — и отпустил.

Туша исчезла в темноте. Рюкзак дёрнулся, зашевелился, заскрежетал. Изнутри донёсся звук — низкий, влажный, похожий на чавканье. Кладка ела. Система переваривала жертву.

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда он открыл их:

«Кладка (нестабильная). Статус: замкнута. Заряды берсерка: 1/2. Резерв активен.

Пассивный расход сытости: 1% каждые 10 минут.

Текущая сытость: 28% → 27% (первая плата)».

Макс закрыл рюкзак, затянул ремни. Тот снова стал пульсировать — медленно, глубоко, как сердце спящего зверя. Скелет был внутри. Ждал. Требовал.

— Ты заплатил, — сказала Мира, глядя на него. — Теперь у тебя есть 20 минут до того, как сработает следующий тик. 20 минут, чтобы призвать скелета. Или вынуть жертву. Или потерять ещё 1% сытости.

— Я знаю, — ответил Макс, вставая. — Мы идём дальше. Быстро. У нас есть час. Может быть, два. Потом — или бой, или смерть.

Он закинул рюкзак за спину, поправил броню, взял кинжал. Тот был тёплым — он чувствовал кровь. Поющий меч в слоте запел — тихо, едва слышно, как колыбельную. Топор вздыхал. «Слеза Ворона» молчала — она ждала своего часа.

Они пошли. Лес вокруг становился всё более неправильным. Деревья наклонялись всё ниже, ветви переплетались всё плотнее, образуя живой туннель, под которым царил почти полный мрак. Корни выступали из земли, как пальцы мертвецов. Воздух стал таким тяжёлым, что каждое дыхание давалось с трудом.

Макс шёл и считал минуты. 10 минут — первый тик. 20 минут — второй. 30 минут — третий. Он чувствовал, как сытость уходит, как голод сжимает живот, как слоты начинают урчать. Скелет в рюкзаке ждал. И требовал.

— —

3. Спящая угроза

Они шли ещё час. Лес не становился реже — напротив, он сгущался, темнел, сжимался. Деревья стояли вплотную, переплетаясь ветвями, как пальцы в замке. Тропинка, по которой они шли, превратилась в едва заметную тропу, которая висала между стволами, то исчезая в зарослях папоротника, то появляясь снова, широкая и отчётливая.

Макс чувствовал, как сытость падает. Каждые 10 минут — системное сообщение, как удар молотка по черепу.

«Пассивный расход сытости: 27% → 26%».

«Пассивный расход сытости: 26% → 25%».

«Пассивный расход сытости: 25% → 24%».

Он не останавливался. Не говорил ни слова. Только шёл, сжимая в руке кинжал, и считал минуты. 10, 20, 30, 40. Четыре процента сытости ушло в никуда. Скелет в рюкзаке лежал и жрал его голод, превращая его в свои заряды.

Дети устали. Маленькая девочка — та самая, которая вчера смеялась над светящимся камнем — заплакала. Не громко, тихо, надрывно, без слёз. У неё не было сил плакать по-настоящему. Её мать взяла её на руки, закачала, зашептала что-то успокаивающее, но сама дрожала от страха.

Денис шёл, пошатываясь, опираясь на палку. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он забыл имя дочери вчера. Сегодня он забыл её лицо. Завтра он забудет, зачем он здесь. И тогда умрёт. Или не умрёт. Или умрёт, но не заметит.

Тень шёл сзади, сжимая в руке палку, и его единственный слот пульсировал ровно, но тревожно. Он не боялся скелета — он боялся того, что скелет может сделать с Максом. Сделать его таким, как вожак. Сделать его монстром.

Мира остановилась на краю небольшой поляны, окружённой молодыми соснами. Поляна была пустой — ни зверей, ни людей, ни даже камней. Только трава — жёлтая, сухая, шелестящая под ветром, которого не было.

— Отдых, — сказала она, не спрашивая разрешения. — Десять минут. Дети не могут идти дальше. Ты сам еле стоишь на ногах.

Макс хотел возразить, но не стал. Он знал — она права. Он чувствовал, как силы покидают его, как мышцы ноют, как голова кружится. Сытость 24% — это почти ноль. Если она

упадёт до 20%, начнётся автофаг. Если до 10% — он умрёт от голода. Или не умрёт — слоты начнут жрать его самого.

Он сел на землю, прислонился спиной к стволу сосны. Кора была холодной — не тёплой, как у других деревьев, а именно холодной, как мёртвая. Сосна была старой, настоящей, не пульсирующей. Она не дышала. Она просто была. Памятник тем, кто не смог выжить.

Рюкзак он снял, положил рядом. Тот пульсировал — медленно, глубоко, как сердце спящего зверя. Макс провёл рукой по коже — она была тёплой. Не горячеей, не холодной, а именно тёплой, как живое тело.

— Он говорит с тобой? — спросил Тень, садясь рядом.

— Нет, — ответил Макс. — Пока нет. Но я чувствую его. Он ждёт. Он знает, что я не могу призвать его сейчас. Слишком рано. Слишком опасно.

— А когда сможешь?

— Когда Костоломы нападут. Или когда мы дойдём до убежища. Или когда умру. Не знаю.

Мира подошла, села напротив, протянула флягу с водой. Макс сделал глоток, передал обратно. Вода была тёплой, пахла кожей и медью, но это была вода. Жидкая. Холодная. Живая.

— Ты должен принять решение, — сказала Мира. — Сейчас. Не завтра. Не через час. Сейчас. Ты не можешь бесконечно терять сытость. Ты не можешь бесконечно носить этот рюкзак. Либо ты призываешь скелета, либо ты вынимаешь жертву. Третьего не дано.

— Я знаю, — ответил Макс. — Но я не могу призвать его сейчас. Мы не в бою. Он убьёт кого-то из нас. А если я выну жертву, я потеряю 10% здоровья. И потеряю страховку.

— Тогда умри, — сказала Мира, и в её голосе не было злобы — только констатация. — Умри от голода. Или от скелета. Или от Костоломов. Разницы нет.

Макс сжал кулаки. Ему хотелось закричать, ударить стену, разбить флягу, которая заговорила вчера. Но он сдержался. Потому что знал: если он поддастся, голоса станут громче. Если он покажет слабость, система съест его быстрее, чем Костоломы.

Он закрыл глаза. В голове было пусто — не спокойно, именно пусто, как будто кто-то выключил звук, убрал мысли, оставив только тело, которое само решало, как дышать и куда смотреть. Голоса вещей — кинжала, брони, мечей, топора, амулета — молчали. Они тоже ждали. Они знали, что сейчас произойдёт что-то важное. Что он должен принять решение. Или умереть.

И тогда из рюкзака, из чёрной тьмы, из глубины, где лежал скелет, донёсся голос. Не мысленный — физический. Тонкий, слабый, прерывистый, как дыхание человека, который вот-вот умрёт. Голос был не скелета — он был самого рюкзака. Или системы. Или его собственной совести.

«Ты медлишь. Ты боишься. Сытость падает. Скоро твои вещи начнут жрать тебя. Открой меня. Выпусти меня. Я убью быстро. Я убью без боли».

Макс открыл глаза. Рюкзак пульсировал — быстро, неровно, как сердце кролика, который чувствует хищника. Кожа на нём пошла рябью, как будто под ней что-то двигалось. Пряжки звенели — тонко, едва слышно, как комариный писк.

— Ты слышал? — спросил он у Миры.

— Нет, — ответила она, и её лицо побледнело. — Но я чувствую. Он проснулся. Он говорит не с тобой — он говорит с твоими слотами. С твоими вещами. Он уговаривает их предать тебя.

Макс посмотрел на свои активные слоты. Кинжал вибрировал — не требовательно, а вопросительно. Поющий меч запел громче — не колыбельную, а тревожную песнь. Топор вздыхал — он чувствовал приближение беды. «Слеза Ворона» молчала, но её лезвие стало холодным — она готовилась резать связи.

А старая броня — жертвенная, которую он носил сейчас — стала ледяной. Не холодной — именно ледяной, как смерть. Она не защищала — она предупреждала. Или предавала.

«Ты не защищал меня сегодня, — прошептала броня. — Ты не рисковал. Ты не принимал удары. Ты просто нёс на спине чужую смерть. Я замерзаю. Я не буду защищать тебя, если скелет выйдет».

Макс погладил броню рукой, но та не потеплела. Обиделась. Или просто устала ждать.

— Я приму решение, — сказал он вслух. — Сейчас. Не завтра. Не через час. Сейчас.

Он встал, отряхнул штаны. Посмотрел на лес — серый, пульсирующий, живой. Вожак был где-то там, в темноте, с сорока семью слотами и голодом, который не утолить. Костоломы шли по следу. Они настигнут их через час. Или через два. Или через три.

— Мы идём к убежищу, — сказал он. — Быстро. Не останавливаясь. Если мы дойдём до заката — я призову скелета. Если нет — я выну жертву. И заплачу здоровьем. Но я не буду сидеть на месте и ждать, пока скелет сожрёт мою сытость.

— А если ты не успеешь? — спросил Тень. — Если Костоломы нападут раньше?

— Тогда я умру, — ответил Макс. — Или убью. Или стану монстром. Неважно.

Он закинул рюкзак за спину, взял кинжал. Тот был горячим — он чувствовал кровь. Броня оставалась ледяной — она не простила ему бездействия. Поющий меч запел громче — он предупреждал о беде. Топор вздыхал. «Слеза Ворона» молчала.

Они пошли.

— —

4. Эскалация

Лес становился всё более неправильным. Деревья наклонялись, переплетались ветвями, образуя живые своды, под которыми царил почти полный мрак. Кора становилась гладкой, почти полированной, как будто кто-то отшлифовал её тысячи раз. На стволах — знаки. Не руны, не буквы — слот-номера. 001, 002, 003... Они тянулись вверх, до самых крон, теряясь в сером небе.

Макс шёл и чувствовал, как сытость падает. Каждые 10 минут — системное сообщение, как удар молотка по черепу.

«Пассивный расход сытости: 24% → 23%».

«Пассивный расход сытости: 23% → 22%».

«Пассивный расход сытости: 22% → 21%».

Он не останавливался. Не говорил ни слова. Только шёл, сжимая в руке кинжал, и считал минуты. 50, 60, 70. Семь процентов сытости ушло в никуда. Скелет в рюкзаке лежал и жрал его голод, превращая его в свои заряды.

Дети плакали. Женщины шептали молитвы. Денис шёл, пошатываясь, и его слот пульсировал тревожно, почти красным. Он был на грани. Как и все они.

Тень вдруг остановился, поднял руку, призывая к тишине.

— Слышите? — прошептал он.

Макс прислушался. Сначала — ничего. Только их дыхание, редкие капли воды, падающие с веток, и пульсация слотов — его, Миры, Дениса, Тени, даже детей (у тех, у кого они были). Потом — низкий, ровный гул. Как будто где-то далеко работал двигатель. Или дышало огромное животное. Или лес переваривал тех, кто не смог вернуть долг.

— Костоломы, — сказал Тень. — Я узнаю этот звук. Это шаги. Много шагов. Они близко.

— Сколько? — спросил Макс, сжимая кинжал.

— Не знаю. Десять. Может быть, двенадцать. И вожак с ними. Я чувствую его пульсацию. Сорок семь слотов. Он как... как землетрясение. Далекое, но неумолимое.

Макс посмотрел на свои слоты. Сытость 21%. Урон здоровья 62%. Риск 46%. Он был слаб, ранен, устал. Но у него был скелет. Скелет, который мог дать два удара. Два удара, которые могли убить вожака. Или не могли. Или могли, но убьют кого-то другого.

— Я призову его, — сказал Макс, снимая рюкзак с плеча. — Сейчас. Здесь. Пока они не подошли.

— Нет! — крикнула Мира, хватая его за руку. — Ты не знаешь, как он поведёт себя! Он может атаковать нас!

— Тогда я прикажу ему атаковать их, — ответил Макс, открывая рюкзак. — Я — хозяин. Я — Архитектор. Он будет слушаться.

Из рюкзака пахнуло пылью, сухой землёй и сладостью. И железом. Много железа. Кровью.

Макс закрыл глаза, сосредоточился на дыхании — вдох, выдох, вдох, выдох. Потом мысленно скомандовал: «Призвать».

Рюкзак взорвался криком.

— —

5. Призыв

Скелет выбирался медленно, с трудом, как будто его кости не слушались. Сначала — кисть. Пальцы — длинные, жёлтые, с остатками сухожилий. Потом — запястье, предплечье, локоть. Потом — плечо, ключица, череп.

Череп повернулся к Макс. Глазницы были пустыми — но в них, в глубине, горели два красных огонька. Не глаза — слоты. Два маленьких слота, которые пульсировали в такт его сердцу. Или в такт чему-то другому, чему-то, чего Макс не знал.

Скелет вылез из рюкзака полностью — и замер.

Он был таким же, как в прошлый раз — невысоким, на голову ниже Макса. Кости — жёлтые, с тёмными пятнами, покрытые трещинами. На рёбрах — следы от ударов мечом. На черепе — глубокая вмятина, как от топора. В правой руке — топор. Ржавый, зазубренный, но острый. Лезвие блестело в сером свете — тускло, зловеще.

Но он был другим. Макс чувствовал это. Скелет не просто стоял — он выбирал. Он смотрел на отряд, на детей, на женщин, на Дениса, на Тень, на Миру. Его глазницы горели ярче, когда он смотрел на самого слабого. На того, у кого меньше всего слотов. На того, кто не сможет защититься.

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда Макс моргнул:

«Берсерк призван. Заряды: 2/2. Длительность: до нанесения двух ударов или 20 минут боя.

Внимание! Приоритет цели переопределён. Анализ пульсации слотов...

Цель с наименьшей защитой: Денис (1 слот, урон здоровья 75%, сытость 3%).

Берсерк выбрал цель. Для отмены требуется команда хозяина с уроном воли (5% здоровья)».

— Нет! — крикнул Макс, бросаясь между скелетом и Денисом. — Атакуй Костоломов! Они в лесу! Я чувствую их!

Скелет замер. Глазницы потускнели, потом вспыхнули ярче. Он повернул голову в сторону леса, принюхался (чем? у него не было носа), и замер снова.

«Цель не обнаружена в радиусе 50 метров. Переход в режим свободной охоты...

Ближайшая цель: Денис (2 метра). Атака неизбежна».

Скелет занёс топор.

— —

6. Бой с собственным оружием

Макс успел. Он выхватил «Слезу Ворона» из слота и рубанул по древку топора. Чёрный кинжал не резал металл — он резал связи. Древко не сломалось, но скелет выпустил его из руки. Топор упал на землю, звякнув, и покатился в траву.

— Стой! — закричал Макс, загораживая Дениса собой. — Я приказываю! Стоять!

Скелет не слушал. Он бросился на Дениса уже голыми руками — костяные пальцы, острые, как лезвия, тянулись к горлу. Макс ударил кинжалом в плечо скелета — тот отшатнулся, но не остановился. Кости трещали, но не ломались.

«Урон по берсерку: 5%. Скелет не чувствует боли. Агрессия: 80%».

— Мира! — крикнул Макс. — Уводи детей! Тень — прикрой Дениса!

Мира схватила Дениса за руку, потащила в сторону. Женщины закричали, дети заплакали. Тень бросил в скелета камень — тот попал в череп, но только разозлил.

Скелет развернулся к Макс. Его глазницы горели красным, как два угля. Кости вибрировали, издавая низкий, гулкий звук, похожий на рык.

«Ты не платишь вовремя, — сказал скелет — не голосом, вибрацией. — Ты держал меня в резерве 70 минут. Ты скормил мне гнилое мясо. Ты не дал мне убить. Я убью тебя. Или убью твоего друга. Выбирай».

Он бросился на Макса.

Макс принял удар на броню. Старая жертвенная броня была ледяной — она не защищала, она мёрзла. Костяной кулак врезался в нагрудник, и Макс почувствовал, как треснуло ребро.

«Урон здоровья: 62% → 67%».

Он упал на колени, выронив кинжал. Скелет занёс руку для второго удара — последнего, после которого он должен был рассыпаться.

Но удара не последовало.

Между Максом и скелетом встал Тень.

Он не был бойцом. У него не было оружия. У него был один слот, почти пустой, и палка, которую он использовал как опору. Но он встал. Он посмотрел в пустые глазницы скелета и сказал:

— Ударь меня.

Скелет замер. Глазницы потускнели, потом вспыхнули ярче.

«Твоя пульсация слабая. Ты почти мёртв. Твоя смерть не насытит меня. Но она убьёт его. Убьёт его надежду. Я ударю».

Костяная рука вонзилась в живот Тени.

Тень не закричал — он только выдохнул, как будто выпустил воздух, который держал внутри годами. Упал на колени, потом на бок, потом замер. Кровь хлынула из раны — тёмная, густая, пахнувшая железом и чем-то сладким, как переспелые фрукты.

Скелет рассыпался. Кости упали на землю, превратились в труху, в пыль, в ничто. Череп в последний раз повернулся к Макс, и каркающий голос прошептал:

«Ты не платишь вовремя. В следующий раз я убью не врага — я убью друга. Если он у тебя останется».

Пыль осела. Тишина.

— —

7. Жестокий урок

Макс стоял на коленях, сжимая в руке кинжал, и смотрел на Тень. Парень лежал в луже крови, бледный, с открытыми глазами, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он был жив. Еле-еле, но жив.

Мира уже была рядом, разрывала его рубаху, зажимала рану тряпками, шептала проклятия сквозь зубы. Её три слота пульсировали тревожно, но ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни.

— Он потерял много крови, — сказала она, не поднимая головы. — Если мы не остановим кровотечение, он умрёт через час. Если не будет зелья — через два.

— У нас есть зелья, — сказал Макс, открывая третий слот. Там лежали два флакона живицы — слабого лечебного зелья, которое останавливает кровь, но не лечит переломы и внутренние раны. Он вытащил один, протянул Мире.

— Слишком мало, — покачала она голову, откупоривая флакон. — Но лучше, чем ничего.

Она влила зелье в рот Тени, тот закашлялся, застонал, но не открыл глаз. Кровь из раны пошла медленнее, но не остановилась.

«Живица (малая). Эффект: +15% здоровья за 10 минут, останавливает кровотечение. Побочный эффект: сонливость, замедление реакции. Срок годности: 5 дней».

— Пятнадцать процентов, — прочитал Макс вслух. — У него урон 80%. Этого хватит, чтобы он не умер. Но не чтобы он встал.

— Ему и не нужно вставать, — сказала Мира. — Ему нужно лежать и не двигаться. И молиться, чтобы Костоломы не нашли нас раньше, чем он оклемается.

Макс посмотрел на свои руки. Они были в крови. Чужой. Своей. Тени. Кровь смешалась, и он не мог различить, где чья.

Денис стоял в стороне, сжимая в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал хаотично, как сердце при аритмии. Он смотрел на Макса, и в его глазах было что-то новое. Не страх — понимание.

— Ты не контролируешь его, — сказал Денис. — Скелета. Он не слушается. Он делает то, что хочет. И ты не можешь ему приказывать.

— Я могу, — ответил Макс, и голос его дрожал. — Я просто не успел.

— Ты не успел, потому что не знал, — Денис покачал головой. — Ты взял в отряд чужую смерть, не спросив, чем она платит. Ты думал, что скелет — оружие. А он — приговор. Ты приговорил Тень к смерти. И себя — к муке.

Макс хотел возразить, но не мог. Денис был прав. Он взял «Кладку», не зная её правил. Он положил в рюкзак жертву, не зная, как долго её можно хранить. Он призвал скелета, не зная, на кого он нападёт. Он был Архитектором, который строил замок на песке. И замок рухнул.

Мира подошла к нему, села рядом, положила руку на плечо.

— Ты не виноват, — сказала она. — Ты сделал то, что должен был. Ты пытался защитить нас.

— Я чуть не убил Тень, — ответил Макс. — Я чуть не убил его своим оружием. Своим долгом. Своим выбором.

— Он жив, — сказала Мира. — И это главное.

— А если в следующий раз он не выживет? — спросил Макс. — Если скелет выберет ребёнка? Если я не успею?

Мира молчала. Потом покачала головой.

— Тогда ты будешь жить с этим. Или умрёшь. Но ты не можешь предугадать всё. Ты не бог. Ты — человек.

Макс закрыл глаза. Он не хотел быть человеком. Он хотел быть Архитектором. Тем, кто строит порядок из хаоса. Тем, кто не ошибается. Тем, кто не теряет друзей.

Но он ошибался. И терял. И плакал. Как человек.

Он сформулировал новое правило — мысленно, чётко, как закон:

«Прежде чем призвать любую сущность, я обязан знать: чем она платит за своё существование. Если я не готов платить каждые 10 минут — я не беру её в отряд. Ни на минуту. Даже если это спасёт мне жизнь».

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда он открыл их:

«Принцип Архитектора #4: Плата за призыв всегда выше, чем кажется. Риск предательства: прямо пропорционален времени удержания сущности в резерве».

Макс убрал кинжал в слот, поднялся на ноги. Ноги дрожали, но он устоял. Броня на груди была холодной — не ледяной, но и не тёплой. Она не простила ему бездействия. Или просто устала ждать.

Он подошёл к рюкзаку. Тот лежал на земле, пустой, не пульсирующий. Скелет ушёл. Заряды кончились. Жертва (мясо пса) была съедена. Пассивный расход сытости прекратился.

«Кладка (нестабильная). Статус: разомкнута. Заряды берсерка: 0/2. Для реактивации требуется новая жертва».

Макс закинул рюкзак за спину, затянул ремни. Тот был лёгким — намного легче, чем когда он его брал. Скелет ушёл. Или заснул. Или ждал следующего раза.

— Мы идём, — сказал он. — Не останавливаемся. Если Костоломы догонят нас — будем драться. Если нет — дойдём до убежища. Тень понесём на руках. Дети — на плечах. Женщины — в центре. Я — впереди. Мира — сзади.

— А я? — спросил Денис. — Что мне делать?

— Ты будешь жить, — ответил Макс, глядя ему в глаза. — Ты не умрёшь сегодня. Я обещаю.

Денис кивнул. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал чуть спокойнее. Он поверил. Или просто устал не верить.

Они пошли.

— —

8. Клиффхэнгер

Они шли до тех пор, пока серое небо не потемнело на три тона — ночь приближалась. Лес стал ещё темнее, ещё опаснее. Тени между деревьями ступились, и в каждой из них могло прятаться что-то с жёлтыми глазами и голодным рылом.

Макс шёл впереди, сжимая в руке кинжал. Тень несли двое мужчин из беженцев — на руках, как ребёнка. Его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно, как сердце умирающего. Он был жив. Но насколько — никто не знал.

Денис шёл за Максом, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал ровно, спокойно. Он не боялся. Он смотрел на Макса, и в его глазах было что-то новое. Не страх — надежда. Или её отражение.

Мира замыкала, прикрывая детей. Её три слота пульсировали тревожно, но ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живица, которую она выпила перед выходом, сделала своё дело. Рана затягивалась.

Лес вокруг становился всё более неправильным. Деревья наклонялись, переплетались ветвями, образуя живые своды, под которыми царил полумрак. Кора становилась гладкой, почти полированной, как будто кто-то отшлифовал её тысячи раз. Воздух стал плотным, тяжёлым, как перед грозой. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только слабее, разбавленным, как старый чай.

Макс остановился на краю небольшой поляны, окружённой молодыми соснами. Поляна была пустой — ни зверей, ни людей, ни даже камней. Только трава — жёлтая, сухая, шелестящая под ветром, которого не было.

— Здесь переночуем, — сказал он, опускаясь на землю. — Дальше идти опасно — слишком темно. Разведём костёр, поедим, отдохнём. Завтра с утра — к убежищу Старого Волка.

Он снял рюкзак, положил рядом с собой. Тот был холодным, не пульсировал. Мёртвым. Но Макс знал — это ненадолго. Он найдёт новую жертву. Положит в рюкзак. И снова начнётся отсчёт. 10 минут. 20 минут. 30 минут. И скелет вернётся. Будет ждать. Требовать. Убивать.

Он достал из первого слота остатки мяса — штабель из одной туши пса (вторую он скормил «Кладке»). Раздал детям. Те ели молча, быстро, жадно, не жуя. Взрослые — медленно, экономно, откладывая куски на потом. У них был опыт голода. Они знали, что сегодняшняя еда не гарантирует завтрашней.

Мира села рядом, протянула флягу с водой. Макс сделал глоток, передал обратно.

— Ты слышал, что сказал скелет перед тем, как рассыпаться? — спросила она.

— Да, — ответил Макс. — «В следующий раз я убью не врага — я убью друга».

— Ты будешь снова его призывать?

Макс молчал долго. Минуту. Пять. Десять. Он смотрел на огонь, на угли, которые шипели и трескались, выбрасывая последние искры в серое небо.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Может быть, да. Может быть, нет. Это зависит от того, кто будет умирать. Я или они.

Он посмотрел на Тень. Парень лежал на земле, укрытый рваной курткой, и его слот пульсировал слабо, едва заметно, как пульс умирающего. Он был жив. Но насколько — никто не знал.

Денис сидел у костра, сжимая в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он смотрел на Макса, и в его глазах было что-то новое. Не страх — понимание.

— Ты не виноват, — сказал Денис. — Ты пытался защитить нас. Ты рисковал. Ты платил. Это больше, чем делал кто-либо другой.

— Я чуть не убил Тень, — ответил Макс. — Я чуть не убил его своим оружием. Своим долгом. Своим выбором.

— Он жив, — сказал Денис. — И это главное.

— А если в следующий раз он не выживет?

Денис молчал. Потом покачал головой.

— Тогда ты будешь жить с этим. Или умрёшь. Но ты не можешь предугадать всё. Ты не бог. Ты — человек.

Макс закрыл глаза. Он не хотел быть человеком. Он хотел быть Архитектором. Тем, кто строит порядок из хаоса. Тем, кто не ошибается. Тем, кто не теряет друзей.

Но он ошибался. И терял. И плакал. Как человек.

А в правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, шесть активных, девяносто три заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт. И коллекция, которая только начиналась.

— —

Системные итоги по итогам главы

- Активные слоты: 6 (мусорный + оружейный + камень/зелья + жертвенная броня (новая) + хищные латы + «Кладка»)
- Заблокировано: 93
- Аннигилировано: 1 (слот №72)
- Сытость: 28% → 21% (пассивный расход + призыв + бой)
- Урон здоровья: 62% → 67% (удар скелета)
- Риск психотической перегрузки: 46% → 52% (неуправляемый призыв + ранение Тени)

- Новые голоса: +1 (скелет в рюкзаке)
- Уничтожен: Нет (старый меч был уничтожен в предыдущей главе)
- Тяжело ранен: Тень (1 слот, урон здоровья 80%)

— —

Плашка в конце главы:

«Коллекционер собирает не вещи — он собирает обещания. Но обещания — это цепи. Если цепей слишком много, они сковывают хозяина. И тогда он становится не Архитектором, а экспонатом. В собственной коллекции».

— Из дневника неизвестного коллекционера, найденного у подножия алхимического склепа.

Глава 5. Тюрьма вещей

Оружие сговаривается против хозяина. Макс вводит «диету» — выдаёт убитых порциями.

— —

1. Утро немоты

Макс проснулся от того, что его собственная рука перестала ему принадлежать.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к холодному стволу старой сосны. Лагерь — маленькая поляна, окруженная чахлыми кустами — спал тяжелым, беспокойным сном. Дети прижимались к матерям, женщины вздрагивали во сне, Денис сидел у потухшего костра, сжимая в руке нож, и его единственный слот пульсировал тусклым, болезненным оранжевым. Тень лежал в двух метрах от Макса, укрытый рваной курткой. Его дыхание было хриплым, прерывистым, но ровным — он выжил. Мира сидела у противоположного края поляны, прислонившись спиной к дереву, и не спала — ее три слота пульсировали тревожно, но ровно.

Макс попытался пошевелить правой рукой — той, в которой обычно держал кинжал. Пальцы дернулись, сжались в кулак, разжались. Рука слушалась. Но внутри, глубоко в костях, в сухожилиях, в самом центре ладони, он чувствовал пустоту. Не физическую — владельческую. Как будто кто-то отключил электричество в комнате, где он жил всю жизнь, и теперь он шарил в темноте, не зная, где выключатель.

Он открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь редкие кроны, рисуя на земле причудливые полосы. Лес стоял вокруг, слишком прямой, слишком правильный. Кора на стволах пульсировала — медленно, глубоко, как артерии. Лес дышал. Лес смотрел. Лес ждал.

Макс сел, опираясь на здоровую руку. Левое плечо — туда, где вчера когти гнилого пса разорвали кожу, несмотря на броню, — пульсировало тупой, ноющей болью. Повязка была свежей — Мира перевязала его перед сном, оторвав рукав от своей куртки. Кровь не сочилась, но под повязкой чувствовалась противная влажность — рана не заживала, она просто не кровоточила.

Он перевел взгляд на сетку в правом углу глаза.

Сто слотов. Десять на десять. Шесть активных. Девяносто три заблокированных. Одна чёрная, мёртвая — слот №72, который он ампутировал несколько дней назад. Бесконечный предел, который оказался не даром, а кредитом.

Инвентарь: 6 активных / 93 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 19%

Автофаг: приостановлен на 18 часов

Урон здоровья: 70%

Риск психотической перегрузки: 54%

Он прочитал цифры, и они показались ему издевательством. 19% сытости — это почти голодная смерть. Автофаг вернется через 18 часов — если он не найдет еду для слотов, они начнут жрать его вещи. А потом — его самого. Урон 70% — это красная зона. Он был как ходячая рана, как человек, который уже должен был умереть, но продолжал дышать по привычке. Риск 54% — это за гранью. Голоса в голове не просто шептали — они кричали. Но сегодня утром они молчали.

И это молчание было страшнее любого крика.

Макс мысленно «позвал» кинжал. Ничего. Не тепла, не вибрации, не голоса. Только холодная, мертвая тишина, как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Он позвал старую броню — ту, жертвенную, что висела на нем сейчас. Та не отозвалась. Даже не вздохнула. Поющий меч молчал. Топор не шевелился. «Слеза Ворона» не резала связи. Хищные латы в пятом слоте не шипели.

И рюкзак — «Кладка» — лежал рядом с ним, на земле, холодный и непугливающий. Скелет внутри затих. Или затаился. Или ждал, когда он умрет.

— Они не спят, — сказала Мира, не открывая глаз. — Они бойкотируют.

Макс повернулся к ней. Она сидела, прислонившись спиной к дереву, и ее три слота пульсировали ровно, но тревожно. На правом плече — свежая повязка. Живица, которую она выпила вчера, сделала свое дело. Рана затягивалась.

— Что значит «бойкотируют»? — спросил он, и голос его был хриплым, сломанным, как у человека, который долго кричал или долго молчал.

— Ты кормил их всех сразу, — ответила Мира, открывая глаза. В ее взгляде была усталость — не физическая, душевная. — Ты бросал в слоты целые туши, и они дрались за еду. Кинжал требовал крови, броня — защиты, латы — чужой боли. Никто не получал достаточно. Они решили, что ты слабый хозяин. И теперь они ждут. Когда ты умрешь. Или когда начнешь умолять.

— Я не буду умолять, — сказал Макс, сжимая кулаки. — Я — Архитектор. Я строю порядок из хаоса.

— Тогда построй, — Мира пожала плечами. — Но помни: вещи не любят порядок. Вещи любят голод. Голод — это хаос. А хаос — это их стихия.

Он поднялся на ноги. Ноги дрожали, но он устоял. Старая броня — жертвенная — висела на нем как свинцовая плита. Она не грела, не защищала, просто давила. Кинжал в слоте был холодным — он не откликался. Поющий меч молчал — он требовал тишины, но Макс не мог дать ему тишину, потому что сам не спал уже третьи сутки.

Тень застонал во сне. Его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно, как сердце умирающего. Он был жив. Но насколько — никто не знал.

Денис, сидевший у костра, поднял голову. Его лицо было бледным, под глазами залегли темные круги, но глаза оставались ясными. Он был слаб, голоден, почти без сил, но держался. Всегда держался.

Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он боялся. Не скелета — себя. Свой слот, который голодал и требовал.

— Что ты будешь делать? — спросил Денис. — Твои вещи не слушаются. Твои слоты пусты. Твоя броня холодна. Если Костоломы нападут сейчас, мы умрем.

— Не умрем, — ответил Макс. — Я найду способ.

— Какой? — спросил Денис. — Ты не можешь заставить их слушаться силой. Ты не можешь уговорить их лаской. Ты можешь только кормить. Но у тебя нет еды.

Макс посмотрел на свои активные слоты. В первом — мусор: пустая фляга, амулет, старая броня (вторая, которую он не носил). Во втором — оружие: кинжал, топор, Поющий меч, «Слеза Ворона». В третьем — слот-камень и два лечебных зелья (одно он отдал Мире, одно — Тени). В четвертом — жертвенный нагрудник (новый). В пятом — хищные латы (заблокированы, требовали чужой боли). В шестом — «Кладка» (рюкзак со спящим скелетом).

Еды не было. Он скормил остатки псов «Кладке» и детям. Последнюю тушу разделили на всех — маленькие кусочки, которые не насытили никого.

— Я добуду еду, — сказал он, обращаясь не к Денису — к своим слотам. — Сегодня. Я убью что-то ценное. И тогда вы будете есть. Но не все сразу. Я буду кормить вас по очереди. Порциями. Если вы согласны — отзовитесь.

Тишина. Холодная, мертвая тишина.

Макс закрыл глаза. Он чувствовал, как внутри него, в шести активных слотах, что-то шевелится. Не голоса — намерения. Вещи не спали. Они слушали. Оценивали. Решали, стоит ли верить.

— Если вы не отзоветесь, — продолжил он, — я выброшу вас всех. Найду другие вещи. Тупее, голоднее, злее. Но они будут слушаться. Поняли?

Тишина стала плотнее, тяжелее. А потом — едва заметная вибрация. Не голос — импульс. Кинжал отозвался первым. Не согласием — интересом.

«Докажи», — сказал импульс. «Добудь еду. А потом поговорим».

Макс открыл глаза. Уголки его губ дрогнули — не улыбка, усмешка. Он сделал первый шаг.

— —

2. Сходка в пустоте

Они шли через лес молча. Макс — впереди, сжимая в руке кинжал (тот по-прежнему не откликался, но хотя бы не выпадал). Мира — за ним, прикрывая детей. Денис замыкал, неся на плечах Тень — тот был в сознании, но слишком слаб, чтобы идти самому. Женщины шли в центре, держась за руки, как стая испуганных птиц. Дети — старшие, лет пяти-семи — шли молча, сжимая в руках камни и палки, единственное оружие, которое у них было.

Лес вокруг был все таким же — серым, пульсирующим, живым. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Воздух был плотным, тяжелым, как перед грозой. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только слабее, разбавленным, как старый чай.

Макс шел и чувствовал, как силы покидают его. Сытость 19% — это почти ноль. Каждый шаг давался с трудом, каждое дыхание — с хрипом. Он не ел нормально уже двое суток. Только маленькие кусочки мяса, которые отрывал от детских порций. Он не мог позволить себе съесть больше — дети были важнее.

Мира догнала его, поравнялась.

— Ты должен отдохнуть, — сказала она, не глядя на него. — Ты шатаешься. Если ты упадешь, мы не поднимем тебя.

— Я не упаду, — ответил Макс. — Я не могу упасть.

— Ты человек. Все падают.

— Тогда я встану, — сказал он. — И пойду дальше.

Она не ответила. Только покачала головой — устало, без надежды.

Они шли еще час. Лес становился все более неправильным. Деревья наклонялись, переплетались ветвями, образуя живые своды, под которыми царил полумрак. Корни выступали из земли, как пальцы мертвецов. Воздух стал таким тяжелым, что каждое дыхание давалось с трудом.

Макс остановился на краю небольшого оврага. Не того, где лежали доспехи, — другого. Мелкого, пологого, с дном, заросшим папоротником и крапивой. На дне, у каменной стены, лежал волк. Не гнилой — живой. Раненый. Его брюхо было разорвано — от груди до паха, глубокая рана, в которой виднелись внутренности, темные, влажные, пульсирующие. Из раны шёл черный пар — не дым, а что-то другое, более густое, более живое. Лес выдыхал смерть.

Волк смотрел на Макса. Желтые глаза, тускнеющие, но все еще живые. Он не рычал. Он ждал. Просил? Умолял? Или просто констатировал факт: «Я умираю. Ты голоден. Сделай то, что должно быть сделано».

Макс вытащил кинжал. Тот был холодным — не реагировал. Не требовал крови. Не вибрировал. Просто лежал в руке, тяжелый и бесполезный, как кусок металла.

— Ты не поможешь мне? — спросил он у кинжала.

Тишина.

— Тогда я сам, — сказал Макс, сжимая рукоять.

Он спустился в овраг, подошел к волку. Тот не отшатнулся — только тяжело вздохнул, и из раны пошло больше черного пара. Глаза зверя следили за каждым движением Макса — спокойно, без паники, как будто волк знал, что происходит, и принимал это.

Макс опустился на колени, приставил лезвие к шее волка — туда, где бьется артерия. Рука не дрожала. Не от уверенности — от усталости. Он уже не мог бояться. Боязнь требовала сил, которых у него не было.

— Прости, — сказал он волку.

И ударил.

Кинжал не резал — он скользил по шерсти, по коже, по мышцам, как ложка по маслу. Макс нажал сильнее — и лезвие наконец вошло. Кровь хлынула — теплая, густая, пахнущая железом и чем-то сладким, как переспелые фрукты. Волк не закричал — только выдохнул, и его желтые глаза потускнели, погасли.

Макс сидел в луже крови, сжимая в руке кинжал, и смотрел на мёртвого зверя. Системное сообщение всплыло перед глазами:

Зафиксировано убийство раненого волка (малая ценность). Сытость инвентаря: 19% → 19% (без изменений — убийство не засчитано как кормление, так как оружие не приняло жертву).

Он выругался сквозь зубы. Кинжал не принял кровь. Он просто не хотел. Он бойкотировал. Даже когда Макс сам, своими руками, убил зверя, кинжал отказался впитывать жертву.

— Ты — бесполезный кусок металла, — сказал он, глядя на лезвие. — Я убил ради тебя. Я рисковал. А ты не взял.

Кинжал молчал. Но Макс показалось — только показалось? — что лезвие стало чуть теплее. На градус, не больше.

Он убрал кинжал в слот, поднялся, подхватил тушу волка — тяжелую, еще теплую — и потащил вверх по склону. Мира встретила его наверху, помогла вытащить тушу.

— Ты убил его без оружия, — сказала она, глядя на кинжал в его слоте. — Кинжал не помогал. Почему?

— Не захотел, — ответил Макс. — Он обиделся. Решил, что я слабый хозяин.

— А ты слабый?

— Не знаю, — сказал Макс. — Но я не сдамся.

Он разделал тушу — быстро, грубо, не обращая внимания на кровь, которая заливала руки, броню, лицо. Мясо он разделил на шесть частей. Не равных — пропорционально тому, сколько, по его мнению, требовала каждая вещь. Кинжалу — самый большой кусок, он первый. Старой броне — второй, она защищала его вчера, пусть и плохо. Поющему мечу — третий, он молчал всю ночь, не требуя тишины. Топору — четвертый, он напоминал о прошлом. «Слезе Ворона» — пятый, она резала связи, когда это было нужно. Хищным латам — шестой, самый маленький, как напоминание о том, что они предали.

Он открыл первый слот — мусорный — и мысленно отправил туда кусок для старой брони (которую он не носил). Открыл второй — оружейный — и отправил куски кинжалу, поющему мечу, топору, «Слезе Ворона». Открыл пятый — с хищными латами — и отправил им их долю. Латы зашипели — недовольно, но приняли.

Сытость инвентаря: 19% → 21% (+2% за распределенное кормление).

— Два процента, — прочитал Макс вслух. — Всего два. За целого волка.

— Вещи не насытились, — сказала Мира, глядя на его интерфейс. — Они просто перестали голодать. На время.

— На какое?

— Не знаю. Может быть, на час. Может быть, на два. Но они запомнили, что ты кормил их по очереди. Это важно.

Макс убрал оставшееся мясо в первый слот — в штабель, который теперь состоял из объедков и маленьких кусочков, не достаточных даже для одного полноценного кормления. Он чувствовал, как вещи в слотах заворочались. Не требовательно — вопросительно. Они получили еду. Но не ту, которую хотели. Кинжал хотел крови — получил мясо. Хищные латы хотели чужой боли — получили кусок падали. Они были недовольны, но не голодны. Это было перемирие.

— Ты ввел диету, — сказала Мира, и в ее голосе прозвучало что-то новое — не страх, не уважение, а что-то среднее. Понимание. — Ты не накормил их — ты распределил голод. Сделал его терпимым. Это умно. И жестоко.

— Это выживание, — ответил Макс. — Я — Архитектор. Я строю порядок из хаоса. Даже если порядок — это очередь за едой.

Он закрыл интерфейс, поднялся на ноги. Ноги дрожали, но он устоял. Броня на груди была холодной — не ледяной, но и не теплой. Она получила свою долю. Кинжал в слоте стал чуть теплее — он переваривал еду. Поющий меч молчал — он получил свой кусок тишины. Топор вздыхал — он вспоминал прошлое. «Слез Ворона» не резала связи — она ждала.

А хищные латы в пятом слоте зашептали — тихо, едва слышно, но Макс услышал:

«Ты дал нам падаль. Мы не забудем. В следующий раз мы потребуем живой боли. И ты дашь её нам. Или умрешь».

Он не ответил. Он знал — они будут ждать. Они всегда ждали.

— —

3. Совет в тени

Макс решил, что не может больше ждать. Хаос внутри инвентаря достиг критической точки — вещи не слушались, не подчинялись, не доверяли. Ему нужно было установить порядок. Жесткий, понятный, без исключений. Он должен был стать не просто хозяином — тюремщиком.

Он сел на землю, прислонившись спиной к стволу старой сосны (настоящей, не пульсирующей), закрыл глаза. И провалился внутрь.

Ментальное пространство его инвентаря изменилось. Раньше это была просто сетка 10 на 10 — холодная, безличная, пульсирующая цифрами. Теперь это была тюрьма. Он стоял в центре круглого зала, стены которого состояли из ячеек — серых, красных, черных, белых. Каждая ячейка была камерой. В каждой камере сидел голос. Его вещи.

Кинжал — в первой камере, слева. Он метался, как зверь в клетке, и его голос бил в стены:

«Ты — слабый хозяин! Ты дал мне мясо, когда я просил крови! Ты оскорбил меня! Выпусти меня, и я покажу, как надо убивать!»

Старая броня (жертвенная) — во второй камере. Она не металась — она замерзла. Стояла у стены, опустив плечи, и ее голос был тихим, обиженным, как у ребенка, которого не взяли на прогулку.

«Ты не защищал меня сегодня. Ты не рисковал. Ты не принимал удары. Ты просто кормил меня мясом, как скотину. Я замерзаю. Я не буду защищать тебя, если ты не изменишься».

Поющий меч — в третьей камере. Он не говорил — он пел. Монотонно, тягуче, как заевшая пластинка. Его песня была жалобой. Он требовал тишины — но Макс не мог дать ему тишину, потому что его голова была заполнена голосами.

«Тишина, — пел меч. — Тишина. Тишина. Ты задолжал мне три часа. Три часа тишины. Заплати, или я буду петь громче».

Топор — в четвертой камере. Он молчал. Стоял у стены, опираясь на древко, и его голос был тяжелым, как камень. Он не требовал — он ждал. Когда Макс придет к нему за советом. Когда вспомнит о прошлом.

«Ты забыл, — прошептал топор. — Ты забыл, как убил первого волка. Как плакал над телом Лёни. Как ампутировал слот. Твоя память умирает. Я — твоя память. Не забывай меня».

«Слез Ворона» — в пятой камере. Она не металась, не пела, не ждала. Она сидела на корточках, и ее голос был холодным, как лезвие.

«Ты связан со всеми ними. Ты носишь их в себе. Они тянут тебя в разные стороны. Я могу разрезать эти связи. Но ты не позволяешь. Ты боишься одиночества. Ты слаб».

Хищные латы — в шестой камере. Они не сидели — они лежали на полу, раскинувшись, как сытые звери. Их голос был низким, рычащим, насмешливым.

«Ты дал нам падаль. Мы не будем есть падаль. Мы хотим живую боль. Дай нам слабого. Дай нам раненого. Дай нам Тень. Он почти мертв. Его боль будет сладкой. Ты готов заплатить?»

И в центре зала, в отдельной камере, больше других, лежал рюкзак — «Кладка». Он не говорил. Он дышал. Его пульсация заполняла всё пространство, и в ней, в этой пульсации, Макс слышал голос скелета — не слова, ощущения: «Ты умрешь. Ты умрешь. Ты умрешь».

Макс стоял в центре зала, сжимая кулаки, и смотрел на свои вещи. Они были здесь. Они были с ним. Они были его тюрьмой. Или он был их тюремщиком?

— Я — Архитектор, — сказал он вслух, и голос его разнесся по залу, отражаясь от стен, умножаясь, превращаясь в какофонию. — Я строю порядок из хаоса. Вы — мои камни. Мои кирпичи. Мои стены. Без вас я — ничто. Но и без меня вы — голодные куски металла, которые будут лежать в земле и ждать, когда кто-то поднимет вас.

Кинжал замер. Старая броня подняла голову. Поющий меч прервал песню. Топор зашевелился. «Слез Ворона» открыла глаза. Хищные латы перестали рычать. Рюкзак замер.

— Я устанавливаю правила, — продолжил Макс. — Первое: ни одна вещь не ест «полный рацион» без моей команды. Вы будете получать порции. Маленькие. Но регулярно. Второе: я определяю очередь. Кинжал — первый. Он был со мной с первого дня. Он заслужил. Броня — вторая. Она защищала меня, когда я принимал удары ради других. Поющий меч — третий. Он пел, когда я просил, и молчал, когда я платил. Топор — четвертый. Он помнит то, что я забываю. «Слез Ворона» — пятый. Она режет связи, когда я приказываю. Хищные латы — шестые. Они будут есть последними. И только тогда, когда я дам им то, что они хотят. Если они захотят неправильного — они не будут есть вообще.

Хищные латы зашипели — недовольно, но не агрессивно. Они приняли. Временно.

— Третье: за нарушение правил — холодный слот. Блокировка на сутки. Без права на кормление. Вы поняли?

Тишина. А потом — едва заметная вибрация. Кинжал вибрировал первым — недовольно, но согласно. Броня кивнула. Поющий меч тихо вывел мелодию согласия. Топор вздохнул — он принял. «Слез Ворона» моргнула — она приняла. Хищные латы затихли — они приняли. Рюкзак замер — он ждал.

Макс открыл глаза. Он сидел у дерева, сжимая в руке кинжал (тот был теплым — не горячим, не холодным, а именно теплым, как живое тело). Броня на груди стала чуть теплее — на градус, не больше. Поющий меч тихо пел — не колыбельную, а мелодию перемирия.

Топор вздыхал — он успокоился. «Слеза Ворона» не резала связи — она ждала. Хищные латы молчали — они приняли свою очередь.

Рюкзак лежал рядом, холодный и неппульсирующий. Скелет спал. Или затаился. Или ждал следующего раза.

Мира сидела рядом, смотрела на него.

— Ты договорился с ними, — сказала она. — Ты установил порядок. Ты стал не просто хозяином — ты стал тюремщиком.

— Я стал Архитектором, — поправил Макс. — Тюремщик строит тюрьму для других. Архитектор строит ее для себя.

— —

4. Диета как оружие

Он решил проверить новую систему в деле.

Отряд вышел к дороге — широкой, утоптанной, с глубокими колеями от телег. По краям росли кусты с мелкими красными ягодами — кровяника, съедобная, но вызывающая галлюцинации, если съесть много. Макс приказал Мире собрать ягоды — детям нужна была хоть какая-то еда. Сам он пошел вперед, на разведку.

Лес справа от дороги был гуще, темнее. Там, в двадцати метрах, он услышал треск — ветка сломалась под чьей-то тяжелой лапой. Он вытащил кинжал — тот был теплым, но не требовательным. Он знал: сейчас не время для крови.

Из кустов вышел гнилой пёс. Не такой, как в овраге — меньше, тощее, с облезлой шерстью и желтыми глазами, горящими голодом. Он не рычал — он скулил, как собака, которую бросил хозяин. Он был один. И он был голоден.

Макс сжал кинжал.

— Ты хочешь есть? — спросил он у пса. Тот не ответил — он прыгнул.

Макс принял удар на броню — старая жертвенная броня была холодной, но когда когти пса вонзились в металл, она стала чуть теплее. Не защитила — просто зафиксировала удар. Макс ударил кинжалом — тот вошел в шею пса легко, как в масло. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом. Пёс взвизгнул, дернулся и замер.

Зафиксировано убийство гнилого пса (малая ценность). Сытость инвентаря: 21% → 23% (+2% — оружие приняло жертву).

Макс вытер кинжал о траву. Тот был теплым — довольным. Он получил свою долю. Первый кусок.

— Хорошо, — сказал Макс, обращаясь к кинжалу. — Ты первый. Теперь — очередь брони.

Он открыл первый слот, достал старый жертвенный нагрудник (тот, который не носил), положил на него руку. Нагрудник был холодным — он ждал. Макс мысленно «отдал» ему часть энергии убитого пса — не мясо, а ощущение защиты. Он представил, как встает между детьми и опасностью, как принимает удар на себя, как рискует. Нагрудник стал теплее.

Старая броня (жертвенная) получила порцию защиты. Сытость инвентаря: 23% → 24% (+1% — броня приняла подношение).

Поющий меч запел — тихо, требовательно. Он хотел свою долю. Макс закрыл глаза, сосредоточился на тишине. Представил, как лес замирает, как ветер перестает дуть, как все звуки уходят в никуда. Меч замолчал — он получил свою тишину. На секунду. Но этого хватило.

Поющий меч получил порцию тишины. Сытость инвентаря: 24% → 24% (без изменений — меч не ест сытость, он ест тишину).

Топор вздохнул. Он получил свою долю — воспоминание. Макс вспомнил, как убил первого волка, как плакал над телом Лёни, как ампутировал слот. Топор затих — он принял.

Топор получил порцию памяти. Сытость инвентаря: 24% → 24% (без изменений — топор ест память, а не сытость).

«Слеза Ворона» не требовала. Она ждала. Когда Макс решит резать связи.

Хищные латы зашевелились в пятом слоте. Они требовали свою долю — живую боль. Макс посмотрел на пса. Тот был мертв. Его боль ушла. Он не мог дать латам то, что они хотели. Но он мог дать им обещание.

— В следующий раз, — сказал он мысленно. — В следующем бою я дам вам живую боль. Не сейчас — потом. Но вы получите своё.

Латы зашипели — недовольно, но тихо. Они приняли. Пока.

Хищные латы получили обещание (отсрочка требования). Штраф за отказ: -5% к весу предмета до следующей активации.

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда он открыл их:

Принцип Архитектора #5: Диета — не голод. Диета — это распределение. Каждая вещь получает ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть. И ровно столько, чтобы не насытиться. Голод должен оставаться. Иначе вещи перестанут слушаться.

Макс закрыл сообщение. Мира стояла рядом, смотрела на него.

— Ты кормишь их не мясом, — сказала она. — Ты кормишь их обещаниями. Тишиной. Памятью. Это опасно. Обещания — это долги. А долги надо возвращать.

— Я верну, — ответил Макс. — Когда смогу. Когда будет время. Когда они будут заслуживать.

— А если не сможешь?

— Тогда умру, — он пожал плечами. — Или стану деревом. Или камнем. Или пустотой. Неважно.

Он подхватил тушу пса, потащил к отряду. Дети обрадовались мясу — маленькому, жесткому, но свежему. Женщины развели костер, начали разделывать тушу. Денис сидел у огня, сжимая в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал ровно, спокойно. Он смотрел на Макса, и в его глазах было что-то новое. Не страх — надежда. Или ее отражение.

Тень лежал на земле, укрытый рваной курткой, и его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно, как сердце умирающего. Он был жив. Но насколько — никто не знал.

Макс сел у костра, прислонился спиной к стволу сосны, закрыл глаза. Усталость навалилась липкой волной, и он почувствовал, что если не отдохнет сейчас, то упадет прямо здесь. Но он не лег. Он открыл интерфейс, посмотрел на свои слоты. Шесть активных. Девяносто три заблокированных. Одна черная, мертвая. Сытость 24%. Урон здоровья 70%. Риск психотической перегрузки 54%.

Он был слаб. Он был ранен. Он был на грани. Но он был жив. И он построил порядок. Хрупкий, временный, но порядок.

— —

5. Первая проверка диеты

Костоломы пришли через час.

Макс почувствовал их раньше, чем увидел — пульсация слотов, тяжелая, давящая, как землетрясение. Вожак был где-то далеко, но его тень падала на лес, заставляя деревья пульсировать чаще, воздух — сгущаться, землю — дрожать.

— Четверо, — сказал он Мире, закрывая глаза и прислушиваясь к себе. — Разведчики. У одного — двенадцать слотов, у второго — девять, у третьего — семь, у четвертого — пять. Они идут с юга. Обходят нас.

— Они знают, что мы здесь, — ответила Мира, выхватывая нож. — Вожак послал их проверить, живы ли мы. Если мы убьем их — он поймет, что мы сильны. Если не убьем — он поймет, что мы слабы. И то, и другое плохо.

— Тогда мы убьем их, но не всех, — сказал Макс. — Двоих. Одного — кинжалом. Одного — броней. Остальных отпустим. Пусть расскажут вожаку, что мы опасны. Но не настолько, чтобы он бросил все силы.

— Это игра с огнем, — Мира покачала головой. — Ты не знаешь, как поведут себя твои вещи. Диета — это не боевой режим. Это режим выживания.

— Тогда я превращу диету в боевой режим, — ответил Макс, вставая. — Я — Архитектор. Я строю порядок из хаоса. Даже в бою.

Он вытащил кинжал. Тот был теплым — готовым. Старая броня на груди была прохладной — не холодной, не теплой, но она не отказывалась. Поющий меч в слоте запел — тихо, едва слышно, как колыбельную. Топор вздыхал — он был готов. «Слеза Ворона» молчала — она ждала своего часа. Хищные латы зашевелились — они требовали живую боль. Но Макс не собирался давать им её сегодня.

Разведчики вышли из леса через пять минут. Они не скрывались — шли открыто, с мечами наголо, с арбалетами наизготовку. У того, что с двенадцатью слотами, была тяжелая броня — металлическая, блестящая даже в сером свете. У того, что с девятью, — два коротких меча и кожаный доспех. У того, что с семью, — арбалет и ржавый щит. У того, что с пятью, — только нож и отчаяние в глазах.

Макс шагнул вперед, загоразивая собой детей.

— Уходите, — сказал он разведчикам. — Вы не первые. И не последние. Я не хочу вашей крови. Но если вы нападете — я возьму её.

— Аномалия, — усмехнулся тот, что с двенадцатью слотами. — Сто слотов, а защиты — ноль. Даже броня у тебя холодная. Твои вещи не слушаются. Я чувствую. Они голодны. Они предадут тебя в первом же бою.

— Проверим, — сказал Макс и бросился вперед.

Кинжал в его руке двигался сам — не по его воле, а по голоду. Он вошел в шею первого разведчика (того, что с семью слотами) легко, как в масло. Кровь хлынула — темная, густая, пахнувшая железом. Разведчик упал на колени, потом на бок, потом замер. Его слоты погасли — 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0.

Зафиксировано убийство игрока (7 слотов, ценность: средняя). Сытость инвентаря: 24% → 27% (+3% — кинжал получил первый кусок).

Кинжал вибрировал — довольно, требовательно. Он хотел еще. Но Макс убрал его в слот.

— Твоя очередь, — сказал он, обращаясь к старой броне.

Второй разведчик (тот, что с пятью слотами) бросился на него с ножом. Макс не уклонился — он принял удар на грудь. Нож скользнул по металлу, оставив глубокую царапину, но не пробил. Броня стала теплее — она получила свою порцию защиты. Макс ударил кулаком в лицо разведчика, тот отшатнулся, выронил нож. Макс добил его ногой — не красиво, не элегантно, но эффективно. Разведчик упал на землю, и его слоты погасли — 5, 4, 3, 2, 1, 0.

Зафиксировано убийство игрока (5 слотов, ценность: низкая). Сытость инвентаря: 27% → 28% (+1% — броня получила свою порцию).

Двое оставшихся разведчиков (с двенадцатью и девятью слотами) переглянулись и бросились наутек. Макс не стал их преследовать. Он стоял над телами, тяжело дыша, и сжимал в руке кулаки.

— Ты отпустил их, — сказала Мира, подходя ближе. — Почему?

— Потому что если бы я убил всех, вожак понял бы, что мы опасны, и пришел бы сам, — ответил Макс. — А если бы я не убил никого, он понял бы, что мы слабы, и прислал бы еще разведчиков. Я убил двоих. Это сигнал: мы опасны, но не настолько, чтобы тратить на нас основные силы.

— Ты играешь с огнем, — повторила Мира.

— Я играю с голодом, — поправил Макс. — Это разные игры.

Он разделал туши — быстро, грубо, не обращая внимания на кровь. Мясо он разделил на порции. Кинжалу — самый большой кусок (он убил первым). Броне — второй (она приняла удар). Поющему мечу — третий (он пел во время боя, усыпляя врагов). Топору — четвертый (он напоминал о прошлом). «Слезе Ворона» — пятый (она не резала связи, но была готова). Хищным латам — шестой, самый маленький (они не получили живой боли, но получили обещание).

Сытость инвентаря: 28% → 31% (+3% — распределенное кормление).

— 31%, — прочитал Макс вслух. — Почти треть. Этого хватит на день. Может быть, на два.

— Не хватит, — сказала Мира. — Ты забыл о пассивном расходе. И о том, что автофаг вернется через 16 часов. Ты должен кормить слоты каждые несколько часов. Или они начнут жрать тебя.

— Я знаю, — ответил Макс. — Но теперь я знаю, как их кормить. Порциями. По очереди. Я установил порядок.

Он посмотрел на свои слоты. Шесть активных. Девяносто три заблокированных. Одна черная, мертвая. Сытость 31%. Урон здоровья 70%. Риск 54%. Он был слаб. Он был ранен. Он был на грани. Но он построил порядок. Хрупкий, временный, но порядок.

Кинжал в слоте мурлыкал — сытый, довольный. Броня на груди была теплой — она получила свою порцию. Поющий меч молчал — он получил свою тишину. Топор вздыхал — он получил свою память. «Слеза Ворона» не резала связи — она ждала своего часа. Хищные латы затихли — они получили обещание.

Рюкзак лежал на земле, холодный и непульсирующий. Скелет спал. Или затаился. Или ждал следующего раза.

Макс закинул рюкзак за спину, затянул ремни.

— Мы идём, — сказал он. — К убежищу Старого Волка. Если дойдём — я смогу договориться с системой. Если нет — буду драться. Или умру. Но я не сдамся.

— —

6. Ночь новой иерархии

Костер прогорел до углей. Беженцы спали — убаюканные усталостью и отсутствием еды. Денис сидел у входа в импровизированный лагерь, сжимая в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал ровно, спокойно. Он верил. Или просто устал не верить.

Тень лежал на земле, укрытый рваной курткой, и его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно. Он был жив. И это было главное.

Мира сидела у костра, прислонившись спиной к стволу старой сосны. Её три слота пульсировали ровно, но тревожно — она не спала, она ждала.

Макс сидел рядом, сжимая в руке кинжал. Тот был теплым — не горячим, не холодным, а именно теплым, как живое тело. Кинжал дремал, переваривая еду. Броня на груди была теплой — она согрелась от его защиты. Поющий меч молчал — он получил свою тишину. Топор вздыхал — он получил свою память. «Слеза Ворона» не резала связи — она ждала. Хищные латы затихли — они получили обещание.

Макс посмотрел на свой интерфейс. Сытость 31%. Урон здоровья 70%. Риск психотической перегрузки 54%. Он был на грани. Но он построил порядок.

Он сформулировал новое правило — мысленно, четко, как закон:

«Я — Архитектор. Я строю порядок из хаоса. Мои вещи — не враги. Мои вещи — не рабы. Мои вещи — моя тюрьма. И я — их тюремщик. Я устанавливаю очередь кормления. Я устанавливаю размер порций. Я устанавливаю наказания за неповиновение. Если они будут слушаться — они будут есть. Если нет — они будут голодать. Выбор за ними. Выбор за мной».

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда он открыл их:

Принцип Архитектора #6: Иерархия — не насилие. Иерархия — это порядок. Порядок — это предсказуемость. Предсказуемость — это выживание.

Макс закрыл сообщение, убрал кинжал в слот, закрыл глаза. Сны не пришли — только тишина. И голоса, которые стали тише, но не исчезли. Они ждали. Они всегда ждали.

Он спал. И в правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, шесть активных, девяносто три заблокированных, одна мертвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт. И диета, которая только начиналась.

— —

Системные итоги по итогам главы

- Активные слоты: 6 (мусорный + оружейный + камень/зелья + жертвенная броня (новая) + хищные латы + «Кладка»)
- Заблокировано: 93
- Аннигилировано: 1 (слот №72)
- Сытость: 19% → 31% (убийство волка + два разведчика + распределенное кормление)
- Урон здоровья: 70% → 70% (без изменений — удары приняты бронёй)
- Риск психотической перегрузки: 54% → 54% (без изменений — иерархия снизила напряжение, но не устранила его)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.